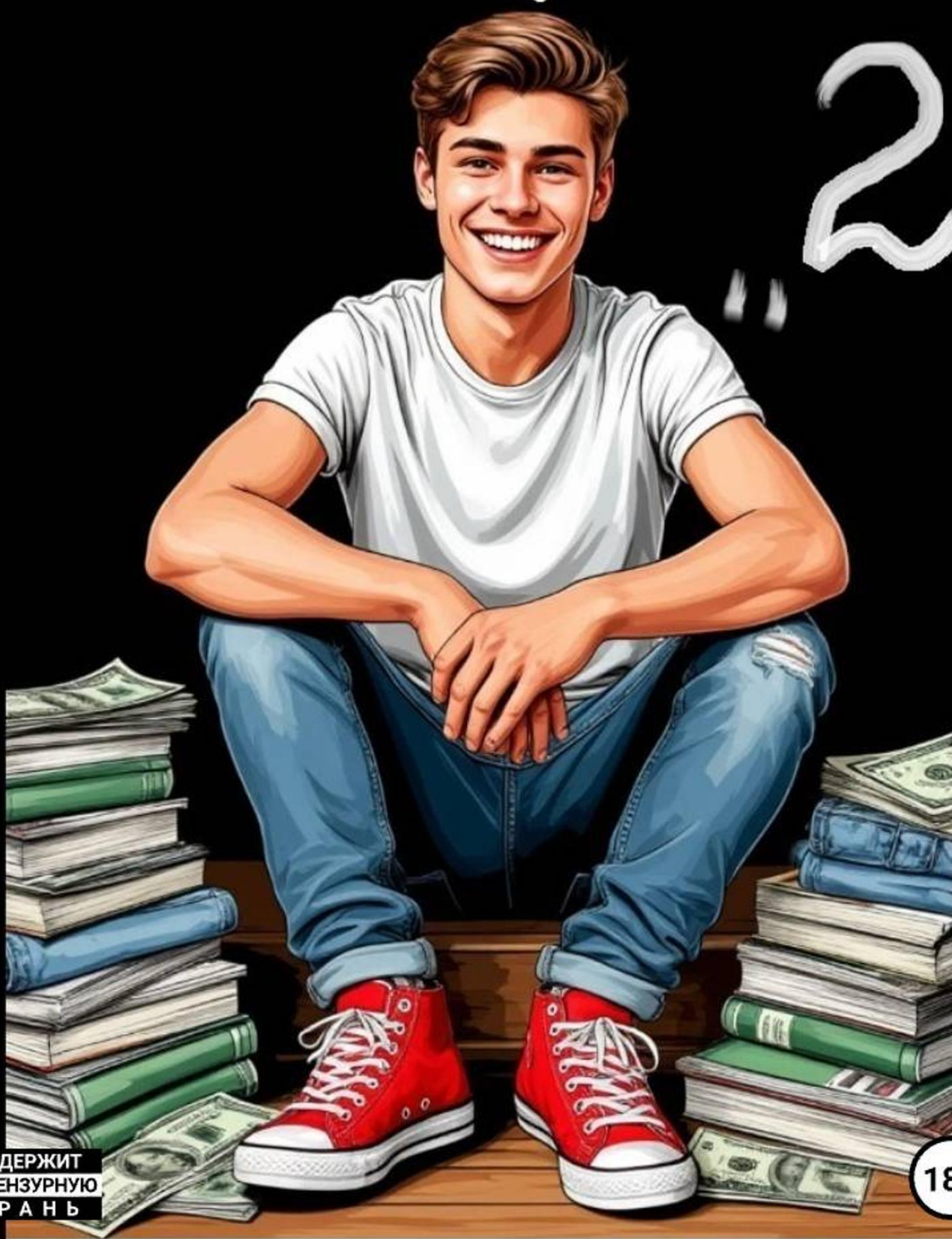

Николай Марчук

Добрым словом и кулаками

2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Марчук

**Добрым словом и
кулаками. 2 четверть**

«Автор»

2026

Марчук Н.

Добрый словом и кулаками. 2 четверть / Н. Марчук — «Автор»,
2026

Звать меня - Вовка, кличка - Поляк, мне четырнадцать лет, но прожил я на белом свете пятьдесят восемь, из которых почти половину провел в местах лишения свободы, а последние два года жизни воевал. На войне, собственно говоря, и погиб: раненым остался прикрывать ушедших на прорыв боевых товарищей, а потом жажнула тонна взрывчатки и моё тело разнесло по округе кровавым дождем, но в Ад и уж тем более в Рай я не попал, вместо этого в Небесной канцелярии решили, что я должен вернуться в прошлое и исправить все свои ошибки – так я оказался вновь четырнадцатилетним подростком в 1980 году. Что и как исправлять мне не сказали, поэтому я накосячил еще больше ...и в итоге мне надо не только старые, но еще и новые ошибки в жизни исправлять.

© Марчук Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николай Марчук

Добрым словом и кулаками. 2 четверть

Глава 1

Холщевая сумка бьет по бедру при ходьбе - в ней снаряжённый боевыми патронами старенький пистолет «Вальтер», зековская финка, мешок и стеклянная поллитровка с растворителем. Голова раскалывается от жуткой боли, а горло саднит и першит из-за передавленной трахеей - все время хочется откашляться, но этого категорически делать нельзя. Любой шум в ночи разносится намного дальше, чем днем. Я тихо крадусь по селу, старясь прижиматься к оврагам и заборам, а в некоторых местах так вообще перемещаюсь на карачках или ползком. Мне сейчас никак нельзя быть замеченным. Меня здесь нет. Я где угодно, но только не здесь.

Луна эта еще на небе светит как тысяча фонарей по периметру «запретки». Лучше бы на небе были тучи и непроглядная тьма с ветром – самая воровская погода, когда темно и шумно. А сейчас будто бы я на сцене стою под светом мощных софитов. Дрянная погода - такую только придурковатые поэты любят воспевать в стихах к романтическим дамочкам.

Ох, что-то у меня внутренний голос криком орет, мол куда ты прешься придурок, оно тебе надо?! Надо, бля, надосам пока не знаю зачем, но надо!

Я – Вовка Поляк, мне четырнадцать лет, но прожил я на белом свете пятьдесят восемь, из которых почти половину провел в местах лишения свободы, а последние два года жизни - воевал. На войне, собственно говоря, и помер – раненым остался прикрывать ушедших на прорыв боевых товарищей, а потом жажнула тонна взрывчатки и моё тело разнесло по округе кровавым дождем, но в Ад и уж тем более в Рай я не попал, вместо этого в Небесной канцелярии решили, что я должен вернуться в прошлое и исправить все свои ошибки – так я оказался вновь четырнадцатилетним подростком в 1980 году. Что и как исправлять мне не сказали, поэтому я накосячил еще больше и итоге мне надо не только старые, но еще и новые ошибки в жизни исправлять. А как их исправлять я не знаю.

Я честно пытался жить по-новому, очень сильно пытался – хотел быть добрым и справедливым, хотел помогать людям, но что-то у меня не очень получается быть добрым. Вот поэтому я сейчас крадусь по ночному селу чтобы выпустить кишки двум фраерам, которые хотели меня убить, но веревка, на которой меня повесили оказалась дрянного качества, а вот моя шея не подвела и выдержала.

Может оно и не по-христиански в живых людей ножом тыкать и из пистолета стрелять, но по-другому никак не получается, потому что:

*Добро должно быть с кулаками.
Добро суровым быть должно,
чтобы летела шерсть клоками
со всех, кто лезет на добро.*

В жизни ведь как? Если кто тебя бранным словом обозвал понапрасну, то можно стерпеть и не обращать внимание на сквернословия, но он тогда может возомнить себе невесту что, решив, что раз ты терпишь его брань, то значит ты терпила по жизни и об тебя можно в дальнейшем ноги вытирать. Поэтому я всегда придерживался следующего правила в жизни: на каждый незаслуженный агрессивный выпад в мой адрес я буду в ответ нещадно бить, да так, чтобы у противника зубы в разные стороны летели, и кровянища из раны хлестала. Может, конечно, моя логика жизни ущербна вследствие длительного нахождения в местах лишения свободы, но другой у меня просто нет.

А вообще странно, что я сейчас будто бы сам себе ищу оправдание подбираясь в дому Спицыных, раньше за мной такой мягкотелости не водилось, раньше я логику в своих поступках не искал, просто делал что хотел, а дальше будь как будет...наверное поэтому так много времени за решёткой и провел.

Подобрался к нужному мне дому. Собака молчит, видимо спит в своей конуре. В окошке дома горит тусклый свет – лампочка «сороковка» еле бздит, но в доме точно кто-то есть.

Обошел дом стороной вдоль высокого, основательного забора из массивных досок. Такой забор в Красновке только у Спицыных, остальные сельчане обходятся ажурными палисадниками высотой по колено и редкими штакетниками из горбыля. Считается, что если у тебя высокий и мощный забор, то ты чего-то скрываешь от соседей – а это есть не хорошо по сельским меркам, но Спицыным плевать на мнения односельчан, они сами себе на уме и про них давно сложилось отрицательное общественное мнение – пьяницы и прощелыги.

Прошелся вдоль забора дёргая попеременно доски где-то здесь должна быть одна из досок, которая держится исключительно на одном верхнем гвозде – это был лаз Спицы, через который он тайком от вечно недовольного бати сваливал погулять.

Есть!

Очередная доска пошатнулась под напором моих пальцев. Оттянул на себя доску и отвел её в сторону – появилось тридцать сантиметров свободного пространства. Нашарил рукой на соседней доске и отцепил кусок проволоки, которым деревяха крепилась к столбу и отвел в сторону еще одну доску, соседнюю с первой.

Все делал тихо и медленно, чтобы не дай бог псина в конуре не услышала. Собака у Спицыных лютая – настоящая, породистая немецкая овчарка. Говорят её Никифор привез из какого-то питомника на Урале, где выращивают служебных собак для самых суровых северных зон строго режима. По крайней мере мне так Спица хвастал, когда показывал свою зверюгу через забор.

В Красновке обычно держали собак небольших и звонких у которых в предках исключительно дворняги. А вот Спицыны ишь ты расстарались – овчарку себе завели!

Пробрался внутрь двора, вытащил из торбы мешок и бутыл с растворителем. Обильно смочил мешковину, намотал её на кулак левой руки, в правую взял нож. Как только собака кинется на меня, надо успеть сунуть ей в пасть руку с намоткой мешка, а потом тут же всадить финку под ребра – туда, где сердце или в горло, чтобы сразу артерии рассечь. По-другому никак, собака у Спицыных лютая – она бросается на нежелательных визитеров стремительно и бесшумно не размениваясь на лай.

Пригнулся низко к земле и весь обратился в слух. Сейчас, вот сейчас псина выскочит из-за угла и прыгнет. Напрягся весь, сгруппировался. Если сразу овчарку не убью, то второго шанса она мне не даст – порвет на лоскуты. Ну, давай уже! Давай! Где ты там сука блохастая! Где?!

Никто на меня из-за угла не выпрыгивал и бесшумно не бросался, чтобы вцепиться в горло. Во дворе Спицыных царил безмолвие и гнетущая атмосфера чего-то нехорошего. На душе у меня было тревожно и как-то страшно. Внутренний голос, тот самый который вытаскивал меня из сотни передраг так и кричал: «Вали отсюда, вали со всех ног, вали без оглядки!!!». Но я ж прибабахнутый на всю голову, мне же обязательно надо на свою пятую точку найти неприятностей.

Осторожно прошел вдоль дома, пригибаясь под окнами, выглянул из-за угла, осмотрел издали собачью будку – оттуда торчат лохматые лапы и хвост. Спит, что ли? Служебная собака не может спать на боевом посту, вернее она может спать, но и сон у неё всегда чуткий. Малейший шорох и овчарка должна сразу же вскакивать и кидается на любого, кто оказался в границах её зоны ответственности. А эта дрыхнет, как сурок. Что за дела? Неужто я настолько бесшумно передвигаюсь, что псина меня не слышит? Нет, быть такого не может.

Сжался весь в комок усевшись на углу дома, подобрал с земли камешек и метнул его в спящую собаку. Камешек залетел внутрь будки, еле слышно цокнул там о дощатую стенку, но барбос даже не шелохнулся.

Мертва? Сторожевая собака мертва!

Вали! Вали на хрен отсюда придурок!!! – буквально криком кричал внутренний голос. – Если собака мертва, то с хозяевами скорее всего тоже что-то случилось! Вали отсюда!!!

Но внутреннего голоса я конечно же не послушался, потому что замереть на краю неразгаданной тайны и благоразумно повернуть назад – это не про меня. Безумия и отвага – вот мой девиз по жизни, ну и с душителем-неудачником хотелось поквитаться.

Вытащил из торбы «вальтер», снял его с предохранителя, патрон был уже дослан, я тихонько прокрался на крыльцо дома. Бесшумно открыл дверь и тут же юркнул внутрь, уйдя прочь из дверного проема. Пистолет зажат в руке и плотно прижат к боку, чтобы ствол не торчал на вытянутой руке и не мешал вертеться в узком пространстве замкнутого помещения. Опыт зачистки зданий, полученный в разгромленных кварталах Бахмута вбит в мою подкорку намертво.

Небольшая веранда - через мутное, грязное окошко внутрь проникает лунный свет. На полу завал из грязной разномастной обуви: валенки, калоши, резиновые сапоги, тапки, кирзачи, одинокий кед вверх подошвой. В углу скомканная, домотканая половичка. На стене вешалка и полка, там одежда и пара шапок.

Пахнет на веранде нехорошо – смертью пахнет, и это не смрад мертвечины, нет, тут другое, что-то такое ведомое только следующим душегубам вроде меня. В этом доме частенько банковала костлявая старуха с косой.

Потянул на себя дверь ведущую внутрь дома. Аккуратно открыл и прошмыгнул внутрь, уходя с возможной линии огня. Сразу попал в кухню

Сука!

Я так и знал.

Батя Спицы – Егор Степанович Спицын сидит на стуле уткнувшись лицом в столешницу. Мертв! Сто процентов мертв, причем уже давненько. При тусклом свет лампочки-сороковки, свисающей с потолка на проводе, хорошо видно бледную кожу, заостренные, мертвые черты лица покойника и небольшую лужу черной, свернувшейся крови, натекающей с раны на загривке покойника.

Обвел стволом пистолета кухню, убедился, что кроме сидящего за столом мертвеца здесь никого нет и пошел осматривать оставшиеся в доме комнаты. В обеих комнатах кавардак: мебель зияет раскрытыми ящиками, на полу разбросаны вещи, половички скомканы в углах, а доски на полу сверкают свежими белесыми сколами и царапинами – кто-то ковырял половые доски «фомичом» в поисках тайника или лаза подпол.

Что же здесь произошло?! Кто убил Егора Степановича? Что искали в доме?

Вернулся на кухню, внимательно оглядел труп Спицына-старшего. Смертельный удар нанесли в затылок, то есть, когда хозяин дома сидел за столом, а убийца спокойно подошел сзади и вонзил нож в загривок точно угодив то место, где позвоночник входит в череп. Клинок вошел в мозг – мгновенная смерть. Удар не простой, вернее не случайный. Убийца явно был опытный и с хорошо поставленным ударом. Проще, но намного «грязнее» - это перерезать глотку, я бы к примеру, так и сделал бы – просто «чиркнул» бы «пером» по горлу и отскочил назад, чтобы не заляпаться в хлынувшей из раны крови. А тут все сделано иначе – четкий «чистый» удар в уязвимую точку и крови совсем немного набежало, вон лишь небольшая лужица на столе размером с тарелку и примерно такая же накапала на пол. Хотя даже в такую лужицу убийца смог вляпаться своей обувкой и наследить – видна цепочка окровавленный следов, будто бы неизвестный наступил носком своей обуви в свежую кровь и оставил за собой

следы. Прошел по следам, они вели прочь из дома, но на крыльце кровавых отметок уже не было.

Что за дела? Как такое может быть?

Вернулся обратно на веранду, присел на корточки и внимательно оглядел кровавые отметки на полу – вот они «выходят» из кухни, вот они «проходят» по веранде и упираются в завал из обуви

Что?!

Меня будто бы кипятком ошпарило, в голове мигом заколотил набат, а сердце застучало часто-часто - того и гляди сейчас выпрыгнет из груди. Чуть было от неожиданности на задницу не плюхнулся.

С краю от завала обуви лежал перевернутый одинокий кед, обращенный ко мне белесой подошвой, на носке обуви хорошо были заметны полустертые следы старой, свернувшейся крови.

Это был мой кед! Мой!!! Тот самый, что я не смог найти в подвале дома Колясика-Карасика. Вон на заднем канте подошвы видны две небольшие буквы «В.П.», что означает Вова Поляков. Все-таки сами понимаете кеды «два мяча» да еще в редкой красной расцветке – это в наших ебнях жуткий дефицит и диковинка, а значит предмет для посягательства завистливых сверстников. Поэтому я их и пометил своими инициалами, чтобы опознать в случае чего.

Твою мать! Это что же такое получается?! Кто-то убил Егора Спицына его же ножом, потом подбросил на место убийства мой кед, а меня значит засунул в петлю, да еще рядом оставил окровавленный нож Спицына.

К чему весь этот спектакль?

Очевидно, чтобы скрыть истинный мотив убийства и запутать следствие. Допустим менты находят мертвого Спицына-старшего, по кровавым следам и окровавленному кеду сразу же в убийцы записывают меня, потому что больше ни у кого таких кед нет, начинают меня искать, бегут в дом Колясика-Карасика и в подвале обнаруживают меня висющим в петле, а у моих ног лежит окровавленное орудие убийства. Следователи, опера и прокуроры сойдутся в версии, что это я убил Егора Спицына, а потом вздёрнулся, не выдержав мук совести. А ведь там еще был таз с чем-то горелым? Скорее всего в тазу были какие-то вещи из дома Спицыных, а весь этот бардак нужен только для того, чтобы свалить всё на меня и создать полноту картины: я убил Спицына-старшего, ограбил его дом, а потом повесился дело можно считать закрытым. Даже если бы мой труп в петле нашли бы первым, а уже по частично сгоревшим вещам в тазу и ноже определили, что они из дома Спицыных, то все равно у следствия не было бы никаких сомнений, что Егора Степановича Спицына убил я.

«Якорный карась!» — как говорит мой дед. «Ёваный в рот!» — как говорю уже я. Что же делать?! Тот, кто это всё провернул сейчас на свободе, и пока я жив он не угомонится, потому что я представляю для него угрозу. Он меня точно убьет при первой же возможности!

А кстати кто этот неизвестный душегуб, который с такой легкостью убил Егора Спицына и засунул меня в петлю? Кто этот коварный злодей, умеющий так ловко орудовать ножом? Кто он?! Кого бы подпустил к себе Егор, да еще и в собственном доме, в который как известно всем красновцам они никого не пускали? Кто же это может быть?

Игнат - старший брат Егора! – в мозгу тут же вспыхнула красная лампочка внезапного озарения.

Игнат Степанович Спицын?! Может быть это он? Вполнеда что там вполне, это единственный кандидат на роль человека, которого бы Егор подпустил к себе со спины. Игнат – здоровый, сильный мужик. Такой бы не только меня, но и атлета-тяжеловеса в петлю засунул.

Что могло стать причиной ссоры между братьями, в результате которой один из них погиб? Хрен его знает, да мне это и неважно по сути. Может и не было никакой ссоры, может

дело в чем-то личном или не поделили чего-то. Главное, что Егор мертв и я чуть было не догнал его по пути на тот свет.

Вернулся в кухню, еще раз оглядел труп. Мертвец уже окоченел и «застыл», а это значит, что с момента смерти прошли не меньше пять-шесть часов. Как раз получается, что меня вырубили примерно в это же время – это хреново, потому что выходит, что на момент смерти Егора у меня нет алиби. Непонятно, что было первично: смерть Егора или то, что меня вырубили и решили вздернуть на веревке? То есть неизвестный мне злодей убил Егора, а чтобы запутать следствие решил все повесить на меня или может моя смерть – это главная цель неизвестного убийцы, а убийство Егора лишь чтобы запутать следствие? Много вопросов и ни одного вразумительного ответа.

Ну и самое хреновое, что у меня нет алиби на момент смерти Спицына-старшего. Раз нет алиби, то надо его сделать.

Глянул на часы – простенькие «ходики» на стене в одной из комнат. Вполне подойдут для моей задумки. Снял часы, перевел их назад – на три часа дня, а потом грохнул «ходики» о пол – часы разбились, но циферблат, где большая стрелка застыла на «12», а маленькая на «3» не пострадали – вот тебе и предполагаемое время убийства. Братья начали драться между собой и разбились часы. Ну, а я в это время был в Пыжах, в доме своего деда и вместе с Сеней, Профессором и Витькой варил джинсы. У меня железное алиби на три часа дня, ко мне не подкопаться. Криминалистика в 80-ых годах не была столь точной наукой как в будущем и время смерти определяла на глаз с погрешностью в пару часов, но если на месте преступления обнаруживались разбитые часы, то зачастую именно по их застывшим стрелкам и определяли время происшествия.

Нож?!

Куда девать нож?

Я глянул на финку, которую достал из мешка. Куда её девать? Выкинуть или оставить здесь? Отпечатки пальцев я с неё стер, лезвие от крови тоже протер. Надо нож оставить на месте преступления, а то, что он без отпечатков пальцев – это не страшно, хладнокровный убийца их бы точно не оставил.

Я попробовал засунуть нож в колотую рану на затылке Егора и не смог этого сделать, видимо позвонки сместились, тело «одеревенело» и просто так эту задачу было не выполнить. Осторожно поднял голову покойника, чуть сместил её в сторону и все-таки вставил нож в рану, но, чтобы он зашел на всю длину клинка несколько раз стукнул по «пятке» грязной деревянной толкушкой, которую нашел на кухне, рядом с печкой. Теперь следствию будет очевидно, что убийца физически очень сильный человек, раз смог с одного удара так глубоко засадить финку.

Всё готово, можно сваливать? Теперь все улики, пусть и косвенные против Игната.

Подобрал свой кед, оттер с помощью куска мешковины, пропитанной растворителем кровь с подошвы, нацепил обувку на ногу. Обмотал обе ноги кусками мешковины и обильно смочил их растворителем. Теперь ни одна служебная собака не возьмет мой след

Собака?!

А ведь странно, что Игнат убил свою собаку, которую он привез из питомника еще щенком. Спица частенько жаловался на дядьку, дескать тот свою псину любит больше, чем родных племянников. Почему он убил свою собаку, зачем? Из жалости, понимая, что не может взять её с собой или в смерти Егора виноват все-таки не Игнат, а кто-то другой. Тот, кто просто не мог войти во двор и ему сперва пришлось убить злобную псину? Или все было проще – неизвестный вошел в дом вместе с Егором, потом убил его, а выйти из дома просто так не мог, потому что во дворе злая собака, которая без сопровождения кого-то из Спицыных-старших порвала бы любого в кровавые ошметки.

Что же здесь все-таки произошло на самом деле?!

Еще раз обошел комнаты, огляделся и понял, что Игнату не надо было коцать половые доски в поисках тайника. Если в доме и был оборудован тайный схрон, то Игнат о его местоположении знал наверняка. Значит все-таки в доме был кто-то посторонний. Значит Егора убил не Игнат, а кто-то другой

Что для меня это меняет? Всё!!! Всё меняет! Просто кардинальным образом всё меняет. Это означает, что мне не известен убийца Егора и следствию он тоже будет не известен. Соответственно либо на меня повесят это убийство, либо настоящий убийца, тот о котором я ничего не знаю может совершенно спокойно подловить меня где-то и прикончить. Судя по почерку – он опытный и матерый зверюга.

Какой может быть выход из сложившейся ситуации? А выход, собственно говоря, один – валить из Красновки раз и навсегда. Прямо сейчас забрать из тайника паспорт Ячменя, прилепить себе под глаз фальшивую родинку и по подложным документам добраться до Москвы, где реализовать что-то наиболее ценное из антиквариата. Денег-то живых у меня «кот наплакал», те две тысячи, что я забрал из сумки с деньгами вложены в джинсы. Еще проблема в том, что антиквариат мы разделили на четыре части и каждый из нашей четверки хранит свою часть и у себя дома. Моя часть – это марочники, иконы и старинные книги. Весьма объемная часть получается и вроде как ценная, выручить за неё можно много, но сделать это будет весьма хлопотно и опасно. Я бы для побега предпочел все-таки живые деньги.

Так ладно, хватит стоять и тупить, часики тикают и надо действовать как можно быстрее.

А все-таки интересно что же искал в доме Спицыных убийца? Что Егор и Игнат могли такого ценного хранить в своем доме? Деньги? Много чего могли хранить. Мужики они были ушлые и зажиточные, только с пасики поднимали не хилый барыш, а судя по скудной и скромной обстановке в доме, то они особо не шикавал, а посему могли скопить не хилую кубышку.

Вот бы по-быстрому найти их схрон и выпотрошить его, мне сейчас деньги ой как пригодились бы. Где же они могли прятать свои сокровища? Где?!

Я постарался мысленно поставить себя на место Игната или Егора, чтобы понять куда бы я спрятал что-то ценное. Игнат был старшим братом, и он держал «шишку» в их семействе, значит если кто и обустраивал тайник, то только он. А что я о нем знаю? В принципе ничего, разве только то, что он очень сильно любил свою собаку – ту, что сейчас лежит дохлой в конуре ну, конечно! Тайник в собачей конуре. Обустроить тайник под собачей будкой - это же классика для жителей сельской местности.

Осторожно вышел из дома, подобрался к собачей будке и вытащил за задние лапы мертвую псину из её конуры. Здоровенная зверюга! Собака была большой и мощной. Её пасть застыла в злобном оскале – наружу торчали огромные белые клыки, а шерсть на морде слиплась от пены и слюней. Ножевых и кровавых ран на собачьем теле не было, а судя по пене на морде – овчарку все-таки отравили.

Будка стояла на постаменте из кирпичей, попробовал сдвинуть её в сторону - ничего не получилось, уж больно основательное было сооружение.

Зажег спичку и сунул её внутрь конуры освещая внутреннее пространство будки

Опа-па! А что это у нас такое?

Дно будки было собранно из досок, но в дальнем от входа правом углу пола была заметна щель, в которую набилась собачья шерсть. Просунул руку внутрь будки, нащупал щель пальцем и довольно легко сдвинул дощечку в сторону. Под дощечкой оказалось небольшое свободное пространство, внутри которого лежал брезентовый сверток. Вытащил его – внутри брезента было что-то весьма похожее на консервную банку, а если потрясти, то слышно было что внутри слегка шуршат пересыпаясь. На вес довольно тяжелая была штукавина, но вот рассмотреть, что именно было внутри брезента нельзя - кто-то старательно зашил суровой ниткой тканевую упаковку - возни много, сейчас не до этого.

Впрочем, я и так скажу, что там внутри – судя по весу и шуршанию там нечто тяжелое и рассыпное, то, что доверили охранять злобной псине и то, ради чего убили человека. Что же это может быть? Золото! Скорее всего внутри брезента консервная банка, набитая золотой крупой самородного золота.

Руки так и чесались вскрыть брезент и все-таки поглядеть что там внутри лежит, чтобы убедиться в своих догадках, но я усилием воли загнал азарт и любопытство под плинтус – некогда сейчас, потому буду как тот Кощей чахнуть над златом, сейчас надо сваливать отсюда побыстрее. Сунул зашитый брезентовый сверток в свою торбу, туда же закинул и ворох смятых купюр общим числом в шестнадцать рублей, который вытащил из кармана пиджака, висящего на вешалке.

Просто так уходить нельзя, надо максимально запутать следствие, чтобы на меня не указывала ни единая улика, но при этом чтобы следователи активно чухались и искали убийцу. Как это сделать? Поджечь дом! Нет, нельзя огонь уничтожит все улики и следствие может решить, что здесь вообще никакого убийства не было. Сейчас глубокая ночь, если начнется пожар, то пока соседи его заметят, пока прибегут, пока потушат, дом выгорит подчистую.

Хорошо бы сделать так, чтобы привлечь внимание односельчан, но они должны прибегать в дом в тот момент, когда я гарантированно буду находиться на другом краю села – к примеру в больничке, там сегодня как раз дежурит Машка. Эх, мне бы сюда небольшое взрывное устройство с простейшим таймером, чтобы бахнуло для привлечения внимания спящих по своим домам красновцам, но при этом ничего здесь особо не повредило.

Глянул на обстановку в кухне в поисках чего-то подходящего. Взгляд уткнулся в газовый баллон, от которого шел резиновый шланг к двухкомфорочному таганку. А почему бы и нет

Судя по весу газа в баллоне было не особо много. Я зажег конфорку и водрузил на таганок объемную, грязную кастрюлю, в которой, судя по всему, варили жаренку для псины. Плеснул в кастрюлю воды, а потом поставил в ней газовый баллон. Когда вода выкипит, дно кастрюли раскалится, корпус баллона нагреется до нужной температуры и ба-бах!

Еще одна польза от взрыва в доме – это то, что милиционеры гарантированно обшарят всю постройку от крыши до подвала в поисках возможных взрывчатых веществ. Таков порядок следственных действий.

Огляделся напоследок вокруг себя, вроде ничего не забыл, надеюсь, что кроме окровавленного кеда здесь больше нет больше ничего моего, а потом по-быстрому покинул дом Спицыных тем же путем, что и пришел – через лаз в заборе. Минут пятнадцать-двадцать, а может того больше у меня в запасе есть, а к больничке можно пробраться по окраине села, благо Спицыны жили на отшибе. Здесь мне тихо красться не надо, побегу во всю прыть аки быстрого олень.

Глава 2

Во всю прыть – это я конечно загнул. Какая на фиг прыть если дышалка сбилась уже через пару секунд неспешного бега, а горло так и саднило от боли. Поэтому с прыти перешел на быстрый шаг.

Здание больнички вроде бы рядом, тут действительно бегом всего минут пять-семь, не больше, но это когда днем, а если пешком, да еще и ночью, пусть и при яркой луне, то минут десять-пятнадцать, никак не меньше. Хоть бы успеть до взрыва попасть в больничку и попасться на глаза Машке, чтобы она могла под роспись подтвердить, что в момент взрыва газового баллона в доме Спицыных я был возле неё. Хоть бы успеть

Вновь перешел на бег, опять горло сдавили спазмы боли, останавливаться не стал просто сбавил темп и вновь перешел на размеренный шаг.

Ну, допустим на момент взрыва газового баллона я себе алиби обеспечу, правда скорее всего придется ради этого Машку хорошенько отчебучить, а у меня сейчас самочувствие никак не располагает к активным поступательным движениям, так что санитарке надо будет самой как-то впрочем, а чего я туплю? А ведь могу в больничку на совершенно законных основаниях обратиться – вон у меня на шее какая странгуляционная борозда, как у заправского суицидника. Придумаю байку, что в подвал провалился по неосторожности, да чуть не удушился на случайной веревке. Хорошо бы еще, чтобы как-то время обращения в больничку записали на пару часов назад, ну чтобы алиби совсем по красоте получилось. А с Машкой рассчитаюсь деньгами, взятыми в доме Спицыных, а то из меня сейчас такой же любовник, как из манной крупы бифштекс.

Сумку с брезентовым свертком, пистолетом и бутылкой растворителя я спрятал под корягой, которая попала по дороге, там же оставил и обмотки мешковины с ног.

Добрался до больнички, дернул дверь – закрыто. По-другому и не могло быть, все-таки ночь на дворе. Подошел к окну, за которым располагалась сестринская – комната, где обычно ночевала дежурная смена. Настойчиво постучал в стекло костяшкой согнутого указательного пальца.

- Машка! Машка! Открывай.

В ответ лишь тишина. Что за черт?! Неужто она так крепко спит?

Постучал еще разрезультат то же – тишина в ответ.

Ну ладно Машки нет на рабочем месте, но кто-то же должен быть в больничке? Дежурный врач, санитар, медбратсдорж наконец. Где все?!

- Чё шумишь? – раздалось злобное шипение откуда-то сверху.

- Маш это я! – так же шепотом отозвался я, узнав голос молоденькой санитарки. – Впусти, дело есть. Ты чего вообще закрылась?

- Поляков иди на хер! – неожиданно прозвучало в ответ. – Пшёл отсюда и забудь дорогу ко мне. Понял?! Между нами ничего больше не будет, малолетка сопливая.

Чего?! Я аж присел слегка от неожиданности: малолетка! пшёл на хер! Что происходит? Она чё коза толстожопая уху ела?! Что это за резкий скачок от безудержной, страстной, плотской любви до ненависти и ругани в мой адрес.

- Я сейчас камнем стекло расшибу! – звенящим от напряжения голосом прошипел я. – А ну быстро спустилась вниз и ответила за свой базар иначе всем стеклам на первом этаже хана придет, - пригрозил я.

- Ах ты, - Машка было вспыхнула приступом гнева, но договаривать не стала, захлопнула оконную створку и была такова.

Я постоял пару минут под окном и двинул обратно к закрытой входной двери. Черт, что ж так долго?! Часики тикают, драгоценное время утекает как песок сквозь пальцы. Впрочем, я уже здесь под стенами больнички, Машка меня увидела, так что алиби на момент скорого взрыва мне обеспечено.

Лязгнула задвижка и дверь слегка приоткрылась, видимо Машка рассчитывала вести со мной разговор через узкую щель, но не на того напала. Я тут же сунул руку в проем ухватил санитарку за ворот халат, следом сделал шаг вперед и буквально всунул себя внутрь больницы оттерев опешившую санитарку в сторонку.

- М-mmm! – замычала Машка, когда я безцеремонно прижал ей к стене блокировав руки и зажав ей рот своей рукой.

- Машунь, сладкая моя, а с какого хрена ты мне грубишь?! – притворно слащавым голосом поинтересовался я. – Таблеток храбрости объелась?

- М-mmm! – продолжала мычать Машка, дёргаясь и пытаюсь вырваться из захвата.

Несмотря на головную боль и общую слабость я держал девушку крепко и уверенно. Уж бабу я в любом состоянии удержать смогу. В глазах Машки злобная ярость сменилась на панику и испуг. Так-то лучше, а то херами тут обкладывает почему зря.

- Машунь, а теперь четко и вразумительно доложи, какая муха тебя укусила? – зловеще прошипел я девушке на ухо, прижавшись в ней крепко-крепко, женская грудь упиралась в меня, и я чувствовал твердость Машкиных сосков. – Если я тебя чем-то обидел ненароком, то просто так и скажи – я извинюсь и будем дальше жить мирно и дружно. Если тебе кто-то про меня какую-то гадость рассказал, то не верь этому, люди все врут. Ну, а если у тебя другой появился и у вас любовь до гроба, то тоже говори не боясь, я человек понимающий, пострадаю конечно, но отойду в сторонку и не буду мешать вашему счастью. Вот только не надо меня к херам посылать почему зря, не люблю я этого. Ясно?! – злобно прорычал я напоследок. – А теперь я убираю руку от твоего рта, и ты мне все спокойно рассказываешь.

- Другой, - тут же затарахтела Машка, как только я убрал свою руку, - Вов у меня появился другой – к нам на практику прислали молоденького доктора из Воронежа и, - тут девушка смущенно замялась.

- И, что? – поторопил я санитарку. – Трахались что ли с ним, а я вам помешал?

- Дурак?! – испуганно прошипела Машка. – Тише ты! Георгий Вениаминович не такой, он интеллигентный и серьезный молодой человек. У него очки, галстук и чистый носовой платок на каждый день.

Только сейчас я обратил внимание, что Машка накрашена и от неё идет ощутимый флёр духов, будто бы она на себя ухнула весь флакон. А для меня санитарка никогда не красилась и не душилась.

- Платок, говоришь, - удивленно прошептал я, не понимая почему именно этот аксессуар гардероба произвел впечатление на Машку. – Что даже не сосала ему ни разу?

- Заткнись! Заткнись!!! – Машка злобно заколотила мне по груди своими кулачками. – Прошу тебя, умоляю не трепи языком, что у нас что-то было с тобой. Гоша думает, что я еще невинна. Уйди Вов пожалуйста, очень тебя прошу, умоляю, - санитарка заискивающе посмотрела на меня с неприкрытой мольбой во взгляде, - а вот завтра-послезавтра пересечёмся где-нибудь и я все сделаю для тебя в лучшем виде как ты любишь: сзади, спереди, в рот. А сейчас уйди, прошу тебя, - и взгляд у Машки такой невинно-просительно-умоляющий, что аж прям жалко её стало.

Все-такие какие же бабы двуличные организмы, то значит: пошел Вовка на хер, а как её к стенке припрешь, так сразу же: Вовка умоляю, прошу

- Машунь, вообще без вопросов, - снисходительно улыбнувшись кивнул я, - если у вас любовь, то я отойду в сторонку и ничего мне от тебя не надо, никакой платы за молчание не будет, поверь мне. Мы с тобой друзья, а значит я тебя шантажировать не буду. Только ты

помоги мне в одной делюге: сможешь сказать, если кто-то будет спрашивать, где я был с пяти до семи вечера, что я как раз в это время заглядывал к вам в больничку, жалуясь на сильную головную боль, дескать обращался за медицинской помощью после того, как звезданул в подпол. Сделаешь? А я в свою очередь молчать буду о наших шашнях как рыба об лед!

- Чего?! – опешила от такого поворота разговора Машка. – Зачем тебе это? Натворил что-то, а теперь алиби себе ищешь?

- Нет, конечно, - тут же соврал я, - как ты могла такое подумать! Ничего я не натворил. Я действительно упал в погреб, на лету зацепился шеей за веревку и чуть было не удушился, - я оттянул ворот рубахи и показал Машке след от удавки, - видала! Думал сдохну, хорошо, что у меня шея крепкая, а будь я слабаком каким, то считай через три дня ты на моих поминках пирожки бы трескала и куриный суп с лапшой ела.

- Божечки! – Машка потрогала пальчиками след от удавки. – Вечно ты во что-то вляпешься. Стой здесь тихо и не шуми, я сейчас сбегаю за йодом и обработаю тебе шею.

- И анальгин захвати, - попросил я.

Машка обернулась за пару минут, притащила с собой флакон йода, ватную намотку на специальной палочке, марлевые тампоны и перекись водорода – все это было расставлено на эмалированном лотке. Прямо в коридоре я оголил свой торс и Машка сноровисто, в спешке и несколько грубо обработала мне след от удавки. Пока санитарка кружилась вокруг меня, промачивая тампонами кожу и натирая ссадину йодом, всё своими титками терлась о меняну я как бы на автомате и схватил её за задницу.

- Вовка убери руку! – потребовала Машка.

- А ты перестань титками об меня тереться, - парировал я.

- Что уже жалеешь, что так легко отдал меня другому? - самодовольно заявила девушка.

Ну, вот что женщины за организмы такие?! Сперва иди на хрен Вовка у меня другой, а потом тут же – ты жалеешь, что так легко отпустил меня? Ну никакой логики Впрочем я только рад, что так легко избавился от Машки и она своё внимание переключила на другого.

- Конечно жалею, - подыграл я девушке, - сейчас ты мне закончишь шею йодом мазать, и я пойду твоему Грише нос расквашу! – шипя сквозь зубы от сильного жжения, пообещал я в шутку.

- Не смей, - тут же злобно зашипела санитарка, не уловив иронию в моих словах, - только попробуй ему хоть что-то сделать, мигом на тебя заяву накатаю, что ты меня изнасиловал. Понял?!

- Понял, - хмыкнул я, - что на счет моей просьбы?

- Помогу, - кивнула санитарка, - но не просто так. С тебя книга фантастики, а лучше две и красивая ажурная польская ночнушка-комбинация.

- Комбинашка – это понятно, - пошленько ослабил я, продолжая жамкать руками левое полушарие женской попы, - но книги, да еще и фантастика тебе зачем? Неужели ты любишь читать?

- Это для Гриши, - объяснила девушка, - хочу ему приятное сделать.

- Странное желание, с твоими-то формами могла бы ему и по-другому приятное сделать.

- Вот какой ты все-таки дурак Вовка! Ты подгонишь мне книги и красивую комбинашку?

- Постараюсь, - кивнул я.

- Хорошо, тогда я сейчас проверю спит ли Гоша, а потом спущусь к тебе и на прощание сделаю тебе по-быстрому «хорошо», - предложила Машка, прижимаясь ко мне всем своим аппетитным телом и массируя пальцами сквозь брючину мой эрегированный член.

- Буду ждать, - улыбнулся я.

И заметьте сама предложила, я особо не настаивал, но если в бабе есть блядская червоточинка, то её никак оттуда не убрать, никаким супружеством её оттуда не выгнать так и будет бабешка всю жизнь блядовать. Впрочем, мне же лучше!

Машка собрала на кювету все свои медицинские причиндалы и виляя задом двинула наверх по лестнице, а спустя пару минут где-то вдалеке раздался хлопок и стекла в деревянных переплётах оконных рам ощутимо звякнули под напором взрывной волны.

Ёпта!

А я уже и забыл о том, что газовый баллон поставил на огонь. Хорошо, что он взорвался сейчас, а не когда мне Машка по-быстрому делала «хорошо», а то бы вот так хлопнуло за окном, а она от неожиданности зубками клац - и Вовка Поляк стал на пару сантиметров короче... бр-рр! Не дай бог!

С лестницы сбежала Машка следом за ней худощавый паренек весьма интеллигентной «городской» наружности с заспанной рожей. Очки в толстой оправе, рубашечка с галстучком, халатик белый - на фоне вечно похмельного Сергеича - бессменного красновского пилюлькина в грязном халате, Гоша смотрелся как нечто необыкновенное. Неудивительно что Машка запала на такую лакомую цель. На вид будущему врачу было не больше двадцати, но насколько я понимаю, если он уже закончил ВУЗ и прошел интернатуру, то должен быть старше.

- Мария это кто? - спросил доктор у Машки ткнув в мою сторону пальцем.

- Это Вовка Поляков, он в подпол шибанулся и на лету шеей запутался в чем-то, - объяснила Машка, но потом вспомнила про наш уговор и добавила, - он уже приходил часиков в шесть вечера, вот опять появился, таблетку анальгина ему дала и ссадину йодом помазала.

- Меня почему не разбудила? - строго спросил доктор Гоша.

- Так там пустяк, - отмахнулась санитарка, - вы спали, чего вас беспокоить.

- А почему записи в журнале нет? - нахмурился доктор. - Не помню, чтобы там была запись об этом обращении?

- Дык, это, - замялась девушка.

- Доктор не ругайте Марию, - встрял я в разговор, - она хотела меня записать, но я сбежал, мне некогда было.

- Сперва сбежали, а теперь вновь пришли, - нахмурился доктор.

- Ага, хуже стало вот и пришел, - покаянно опустив голову соврал я.

- Вот! - молоденький доктор нравоучительно вздел большой палец к потолку. - Видите, что бывает если не слушать врачей и не долечиваться, а вы Мария на будущее запомните, что вы хоть и санитарка, но все-таки медицинский работник, пусть и низшего звена, и пациент не должен от вас сбегать. Если того требует ситуация, то вы должны были применить силу, но не отпускать пациента не долеченным.

- Извините, больше такого не повторится, - потупив взор в пол промямлила Машка и густо покраснела.

Вот так глянешь со сторону, ну и истинно девочка-целочка, ни разу не целованная и фуя во рту не державшая. И как это бабам такая мимикрия удаётся?!

- Док я все понял, больше так не буду, - тоже подал голос я.

- Вовка ты не знаешь, что это взорвалось? - спросила Машка.

- Не знаю, - тут же соврал я, - может колесо у грузовика бахнуло, а может у кого в селе самогонный аппарат взорвался. Давайте поднимемся на второй этаж и через окна посмотрим на село.

- Точно, давайте так и сделаем!

Доктор Гоша тут же развернулся и ломанулся вверх по лестнице. Машка поскакала вслед за ним, а я медленно поплёлся на ходу размышляя, что Гоша так себе докторишка, потому что должен был все-таки меня осмотреть, а не любопытничать что там за окном бахнуло.

Доковылял я до второго этажа всячески изображая из себя контуженного, но не успел даже подойти к окну выходящему на нужную сторону, как мне навстречу выскочил доктор с испуганными глазами и ошарашил меня:

- Там дом в селе горит, нам надо срочно туда! Мария за мной! Вы с нами, поможете с носилками!

- Сделаем док, - кивнул я, мысленно потирая руки, - только халат дайте мне какой-нибудь.

- Мария обеспечь парня халатом, я за сумкой и ящиком, через пять минут выдвигаемся.

Машка умотала куда-то вглубь небольшого здания, доктор тоже исчез в одном из кабинетов, я остался один и глубоко задумался. А доктор Гоша не прав! Нельзя ему сейчас покидать здание больницы. Если кому станет плохо, и он прибежит за помощью в медучреждение, то ему только и удастся что поцеловать закрытую дверь. Мобильных телефонов еще не придумали – врача не вызвонить и куда людям бежать? Нет, доктор должен оставаться на своем рабочем месте - в больнице, тем более что ночью кроме него и санитарки Машки здесь никого больше нет. Еще один врач - Сергеич скорее всего уже лыка не вяжет, у него сегодня выходной. Тем более я-то знаю, что живых в горящем доме нет – единственный кто был в доме уже давно мертв.

- Док, а если сейчас кто-то прибежит в больницу за помощью? – спросил я у спускающегося сверху врача. – А вас на месте нет?

- Тоже, верно, - озабоченно кивнул доктор, - Мария останетесь здесь, вы Владимир за мной!

Я подхватил сложенные брезентовые носилки на длинных деревянных ручках, взвалил их на плечо и поплелся вслед за доктором, который скособочившись быстрым шагом шел впереди меня таща сумку и медицинский ящик. С одной стороны притащиться вслед за доктором в белом халате на место преступления – это лучшее алиби для меня алиби, на меня точно никто не подумает, а с другой стороны голова трещала как счетчик Гейгера в четвертом реакторе ЧАЭС, во рту жуткий сушняк, еще и горло рвет от боли. Ну куда мне в таком состоянии с тяжеленными носилками таскаться-одно радуется, что никаких раненных не придется тащить на этих носилках обратно до больницы.

Добрались до дома Спицыных за пятнадцать минут быстрого шага, я бы быстрее дошел бы, но доктор по незнанию короткого пути заложил такого кругая, что я лишь мысленно вздыхал и обреченно плелся за ним. А показывать короткую дорогу посчитал слишком подозрительным для себя. По пути перекинулись лишь парой фраз и то с моей подачи, а так, видимо доктор Гоша считал ниже своего достоинства общаться с человеком, который сбежал от положенного ему лечения.

Зарево над домом Спицыных развеивалось на глазах – прибежавшие на грохот взрыва сельчане общими усилиями с расчетом местных пожарных сбили и погасили пламя. Когда мы с доктором прибежали к месту несостоявшегося пожара то там царил суевея, которой пытался управлять глава сельсовета Борис Бенюк, но получалось у него это из рук вон плохо.

- Участковый?! Где участковый? – орал как резанный хряк Бенюк. – Почему его нет на рабочем месте, когда он срочно нужен?!

- На рыбалку он укатил еще вчера, - крикнул кто-то из толпы, - выходной у него.

- Ну так срочно пошлите за ним!

- Кого пошлете?! Они с Петром Поляковым на дальние пруды укатили. Тут машина нужна!

- Ну так добудьте машину! – не унимался Бенюк, ожесточенно споря с кем-то в толпе.

- Ты власть, ты и добывай машину, - совершенно резонно парировал спорщик-невидимка. – Садись на свою «Москвич» и чеши на дальние пруды.

- Это кто там такой умный, а ну выйди! – нервно подпрыгивал на месте Бенюк.

- Шо случилось? – просил я у Сени Смирнова, на которого случайно наткнулся в толпе зевая, окруживших дом Спицыных.

- Поляков?! Зараза ты где пропадал? – накинулся на меня Сеня. – Пошёл за кожей и пропал!

- Потом Сеня, все потом, - отмахнулся я. – Что тут случилось?!

- Черт его знает? – пожал плечами всезнающий Сеня. – Кажись баллон с газом рванул, а ты чего в халате?

- Вот припрягли в помощники, - показал я сложенные носилки, - если что поможешь тащить раненного до больницы?

- Помогу, только нет там никаких раненых. Егор Спицын – мертв, его труп взрывом выбросило наружу, вон гляди лежит дерюгой укрытый, - кивнул Сеня на бесформенный кусок брезента на земле.

Доктор Гоша как услышал про труп тут же принялся локтями раздвигать любопытных зевак и пробираться сквозь толпу к лежащему на земле покойнику. Я двинул седом, за мной потянулся Сеня. Так мы и добрались до лежащего на земле тела, прикрытого куском промасленного и грязного брезента.

Доктор сдернул брезент наклонился над мертвецом и тут же шарахнулся в сторону, где смачно проблевался себе под ноги. Спицын-старший выглядел сейчас еще хуже, чем когда я его видел мертвым за столом. Теперь помимо рукояти ножа, торчащей из затылка, у него еще и горлянка была разорвана в лохмотья – кажись кусок корпуса баллона после взрыва прилетел. Ну а так труп как труп, вон Сеня стоит рядышком и не блюет, лишь любопытно тянет шею чтобы получше разглядеть покойника во всех деталях.

- Видал?! – шепчет Сеня. – У него нож торчит в загривке.

- Где? – я делаю вид, что не замечаю ножа.

- Да, вон же, прям из затылка торчит рукоять.

- Ага, точно!

- Скорее всего он уже мёртвый был, когда взрыв прогремел, - задумчиво шепчет Смирнов, - крови совсем нет там, где горло порвано.

- Наверное, - соглашаюсь я.

Вот ведь Сеня все-таки гластастый и сообразительный, мигом все углядел и сделал правильные выводы. Если действительно попадет в ментовку, то будет воровскую басоту как орешки щелкать.

- Все назад!!! Бегом отсюда!!! – неожиданно раздался громкий крик со стороны дома, где копошились пожарные из красновской пожарной дружины. – Назад! Отошли! В доме обнаружена взрывчатка!!!

Толпа хором встревоженно ахнула, попятилась назад, началась суета, давка, кто-то заорал матом, кто-то из баб пронзительно завизжал, ругань, крики, неразбериха, а еще и темно ни черта не разобрать, в этом конце села уличных фонарей всего пару штук на сотню метров.

Мы с Сеней стояли впереди толпы и нас эта давка не коснулась, я даже не дернулся чтобы бежать и Смирнова придержал за рукав. Бежать не солидно, да и мы вроде как при докторе должны держаться, я так-то вообще в белом халате и с носилками в обнимку – считай официальное лицо при должности, куда мне тикать? Ну и вообще не хер в толпу сейчас прыгать, затопчут на раз!

В общем, в толпе кого-то сбили с ног, кому-то по голове пробежались, кого-то ободрали до крови, а кому-то и руку вывихнули, пальцы оттоптали, голову расшибли. Нашлась доктору Грише работа, он хоть и бледный был как скатерть на свадебном столе и громко шипел сквозь зубы пытаясь унять нервный тремор, но свою работу делал четко, сопли не размазывал и командирским голосом четко руководил процессом оказания первой медицинской помощи, когда на больного надо сперва гаркнуть, чтобы он пришел в себя и не мешал его лечить. Мы с Сеней помогали доктору выполняя любые его приказы, в какой-то миг неожиданно рядом оказался Брюхин и Светлова, которые тоже стали нам помогать. Там ведь по сути раны-то были плевые, люди больше страху натерпелись, ну и надо было вездесущих старушек, которых было

в толпе большинство и которые первыми были разметаны толпой в разные стороны увести в безопасное место.

Появилась Лиза Пенькова со своей мамкой, Пыж с братом и отцом, Кудря, Краснова и еще парочка учеников 8-А. Наташка Светлова, перебросившись парой фраз с доктором Гришей тут же организовала конвейер – пострадавшего в давке человека, сперва отводили в створку, а потом вели под ручку в сельскую больницу, у сопровождающих пенсионеров школьников откуда-то появились красные повязки на рукавах – намотанные не по уставу пионерские галстуки.

Кстати, вот вам еще одно отличие 80-ых от далекого будущего: в прошлом подростки не снимали происшествия на телефоны, выступая в роли зевак и статистов, они, будучи пионерами активно помогали устранять последствия этих самых происшествий. Пионер – всем пример!

Смирнов как-то подсуетился и разузнал, что взрывом разворотило часть пола в кухне и там оказался тайник с оружием и целым ящиком тротильных шашек. Захарыч видя такое дело лично покати на служебном «ГАЗ-69» на дальние пруды за участковым, Бенюк убежал в сельсовет чтобы вызвонить милиционеров и взрывотехников из райцентра, а пожарные проливали водой дом Спицыных на всякий случай, хоть пламя давно было потушено.

Травмы и раны у всех пострадавших в давке оказались легкие и не существенные и уже через час вся суета сошла на нет. Можно было расходиться по домам.

- Ну так чё, где ты был все это время? – спросил у меня Сеня, когда мы шли с ним в сторону больницы, мне надо было отнести носилки, которые так и негодились.

- Будешь смеяться, но я все это время пролежал в подвале дома Колясика. Провалился в подпол, в полете зацепился шеей за веревку, - я оттянул ворот рубахи, чтобы показать след от удавки, - чуть не задохнулся, благо шея крепкая, об пол стукнулся головой и вырубился. Так до ночи в отрубе и провалялся, - выдал я свою версию полуправды.

- Гонишь! – тут же безапелляционным тоном заявил Смирнов. – Я заходил в дом Колясика и в подпол заглядывал – там тебя не было.

- Серьёзно?! – удивленно ахнул я. – Быть такого не может! Я точно там был, да, блин я в себя пришел, - тут я заткнулся, потому что нельзя было ляпнуть лишнего. – А ты во сколько был в доме Колясика?

- В восемь вечера. Поляк, что происходит? Ты во что вляпался? – строго посмотрел на меня Смирнов.

- Сеня понимаешь, - начал юлить я, выигрывая время, - головой сильношибанулся, совсем не помню, как всё было.

- Вовка ну я же вижу, что ты врешь, еще пару минут назад ты скакал как сайгак и трезво рассуждал, а теперь, как узнал, что я был в доме Колясика и искал тебя так сразу же включил дурачка. Рассказывай, что произошло!

- Не могу Сеня, врать тебе не хочу, а правду рассказать не могу, причем для твоего же блага. Просто забудь обо всем! Поверь мне так будет лучше.

- Поляков ты что ж думаешь, что я боюсь? – Сеня сжал кулаки и подошел ко мне вплотную. – Боюсь, да?!

- Сень, братан, ну ты чего сразу, - я сделал пару шагов назад под напором Смирнова, - я знаю, что ты ничего не боишься, просто пойми, что не всегда надо знать чужие тайны. Это может быть смертельно опасно.

- Тебе что угрожает опасность?

- Да, и я не хочу впутывать еще и тебя до кучи.

- Значит ты считаешь, что я дерьма кусок, который бросит своего товарища в беде? Я правильно понимаю?

- Нет, Сеня неправильно, - тяжело выдохнул я, понимая, что проще рассказать, потому что Смирнов просто так не отстанет. – Пошли в дом Колясика сам поглядишь чего там в подвале творится.

- Пошли, - пожал плечами Сеня, явно думая, что я просто тяну время.

Мы дошли до нашей «базы», зашли в дом, открыли крышку люка и залезли в подвал. Там было все как я оставлял: кусок веревки, свисающий с пола, обрывок веревки на полу, таз со сгоревшими останками чего-то в углу.

- Короче, я как ушел от вас, пришел сюда за кожей и тут меня кто-то вырубил, я не знаю кто, просто – бамс по башке и я в отрубе. В себя пришел оттого, что свалился на пол и сильно шибанулся головой. Видать веревка на которой меня повесили не выдержала и порвалась.

- Тебя, что пытались убить?! – ошарашенно прошептал Сеня.

- Ага, - кивнул я, - поэтому и не хотел тебя во все это впутывать.

- Но кто это мог быть и главное за что?

- У меня подозрения только на Спицыных, но тут видишь какая заковыка, что если ты приходил в этот дом в восемь вечера и заглядывал в подвал, а меня здесь не было, то, где спрашивается я был?

- Странно!

- Не то слово, - поддакнул я, - ладно Сень давай расходиться по домам, а то через пару часов рассветет уже, а мне еще эти чертовы носилки в больничку переть.

- Хочешь заночуй у меня.

- Буду только рад, - кивнул я, - спасибо.

- Тогда ты отнеси носилки в больницу, а я домой побежал чтобы мамку предупредить и тебе постелить, а ты как отнесешь носилки, то сразу к нам.

- Договорились, - кивнул я.

- А с этим всем мы завтра разберемся, - Смирнов обвел внимательным взглядом подвал.

Выбрались наружу и разошлись в разные стороны: я пошел к больнице, а Сеня к своему дому, но уснуть мне в эту ночь так и не удалось, потому что когда я подошёл к больничке, то к ней как раз подкатил «козлик» Захарыча.

- Помогай! – бешено пуча глаза, крикнул мне председатель колхоза.

Из салона выбрался мой дед, у которого на руке была темная от крови повязка, а внутри салона лежал смертельно раненный участковый. Какой-то злодей подстрелил их на рыбалке из кустов. Деду досталось пару картечин в плечо, а вот участковый словил целый заряд в грудь и жить похоже Жарову оставалось совсем чуть-чуть...

Глава 3

Ночь, шорох ветвей по брезентовому тенту ГАЗ-69, легкий ветерок холодит тело под рубахой, я стою в обнимку с брезентовыми носилками, а из машины тащат «тяжелого трехсотого», рядом «легкий 300», которому картечиной порвало плече чуть выше локтя. Водила, «легкий» и «тяжелый» трехсотые - мужики в возрасте с глазами бывалых, выдавших многое на своем веку бойцов, прошедших некогда горнило большой войны.

Я будто бы вновь вернулся на юго-восток бывшей УССР и встречаю сейчас эвакуационную команду, которая притащила в госпиталь очередного «триста». Сколько я таких команд встретил за два года войны? Сколько сам притаскивал вытекающих «трехсотых» на пункты сбора? Окровавленные салоны БМП, «буханок», «патриков», «Нив», импортных пикапов и самодельных гравиацпсколько их было за эти два года войны?

Не сосчитать

- Дед, что случилось? – стряхнув с себя оцепенение я метнулся навстречу деду, помогая им с Захарычем вытаскивать Жарова из салона «козлика».

- Потом, всё потом, - отмахнулся дед, - помогай Мишку на носилки переложить.

Жаров казался неподъемным. Тело грузное, неповоротливое, всё какое-то деревянное, будто бы вытесанное из глыбы гранита и вместе с тем какое-то рыхлое и неживое.

Вся грудь в крови. Намотки из бинта, полотенец и порванной на ленты рубахи сильно пропитаны черной в ночи кровью. Досталось шее и руке с левой стороны, там тоже все почернело от крови.

Подбежал доктор Гоша и Машка.

Санитарка испуганно пискнула, прикрыла ладошкой рот и так сильно округлила глаза, что показалось будто они сейчас выпрыгнут из орбит. Захарыч протиснулся мимо нас и юркнул внутрь больницы.

Гоша ухватился за ручки носилок, я взял с другой стороны и вместе мы затащили Жарова внутрь больницы, где тут же поставили на бетонный пол. Доктор приложил пальцы к шее участкового, попробовал нащупать пульс, но кажись безрезультатно, потом дернул из карман небольшое раскладное зеркальце и поднес его к носу Жарова – стекло совсем чуть-чуть запотело.

Жив!

Молоденький доктор срезал намотки тряпок и бинта с груди и шеи. Хреново! Рана страшная – заряд картечи разворотил грудную клетку. Не меньше джины свинцовых «косточек» попали в грудь Жарова разорвав в лохмотья плоть: ошметки кожи, волокна мышц, белесые перебитые кости и всё это в кровавой каше черного цвета.

Из глубины больничного коридора Захарыч уже орал кому-то в трубку телефона:

- Срочно!!! Срочно мать машу гоните сюда «скорую» с опытом огнестрельных операций! Срочно!!! Да епаний в рот, твоюжжж мать, чтоб тебя коромыслом, да поперек рожи говорю грудь ему всю разворотило свинцом, не довезу я его до вас, не довезу!!!!...а другие? Как все?! Почему, все?! Звони в область, пусть вертолётom сюда хирурга с бригадой присылают! И что, что ночь?! Что значит не могу ничего сделать?! А ты смоги! Смоги!!! Сука, ты знаешь с кем сейчас разговариваешь, тварь?! С гвардии старшим сержантом! Ну, так давай, давайродненький давай, я ж тебя Христом богом молю, ну сделай что-нибудь, ну прошу тебя, завтра приеду на колени перед тобой бухнусь, давай родимый, помогай

Жаров умрет – это я четко понимал, спасти его может только срочная операция, причем проведённая бригадой опытных хирургов. Есть у нас бригада хирургов? Нет! Есть возможность срочно доставить участкового в больницу, где есть бригада опытных хирургов? Нет! Какой из этого можно сделать вывод? Жаров совсем скоро умрет!

- Чего там? – спросил дед у Захарыча когда тот вырулил из бокового коридора к нам в фойе.

- Ни хрена хорошего, в лучшем случае у нас кто-то будет через пару часов, завал у них там, в соседнем районе бригада электриков звезданулась с моста на своем «ЗиЛе», так всех опытных медиков там перекинули.

- Твою за ногу, - прошипел дед.

Повисла тягостная тишина. Всем приустающим стало понятно, что Жаров уже мертв. Нет, он пока дышит, пульс у него пока еще бьётся, но по факту он уже мертв, потому что спасти его некому

- Доктор надо срочно делать операцию, - произнес мой дед бесцветным, пустым голосом.

- Я не хирург, - громко сглотнул Гоша пересохшим горлом, - я врач общей практики, простой терапевт. В «меде» у нас был курс хирургии, но все это было в теории, я ни разу не проводил операций.

- Доктор он умрет, - настаивал на своем дед, - вы должны попробовать его спасти.

- Я не могу, - остервенело замотал головой паренек в белом халате, - никак не могу. У меня нет ни нужного опыта, ни знаний.

- Он умрет, - продолжал гнуть свою линию дед.

- Простите, - опустил голову Гоша, - но я ничем не могу помочь. Может Владимира Сергеевича позвать? – робко предложил парень, видимо сам понимая, насколько это глупая затея звать вечно бухого Сергеича.

- Он еще с вечера в дрова, - отмахнулся Захарыч, - даже на взрыв дома Спицыных не среагировал. Куда ему оперировать, да и не оперировал он никогда.

- Хирургический инструмент есть? – спросил я.

- Да, есть хирургический набор, - презрительно глянув на меня ответил Гоша, - но толку от него без опытного хирурга?

- Доктор срочно подготавливайте инструмент к операции, - деловой скороговоркой произнес я. – Стерилизуйте его, кипятите, что там быстрее? Если долго, то просто спиртом протрите и покажите, где здесь у вас можно руки вымыть.

- Зачем? – хором ахнули Гоша, мой дед и Захарыч.

- Я сам проведу операцию, - уверенным тоном заявил я.

- Как?! – взвизгнул Гоша, отшатнувшись от меня.

- Жопой об косяк! – рявкнул я в ответ. – Сперва убираем всё, что мешает дыханию и работе легких, дренажируем, где надо, очищаем все кровотоки, освобождаем сердце, чтобы ничего не мешало ему работать и выравниваем давление, потом ставим капельницы и восполняем кровопотерю. Поскольку анестезиолога у нас нет, то резать будем под местным наркозом. Так мы сможем стабилизировать раненого и выиграть нужное время до приезда нормального хирурга. Доктор я правильно говорю?

- Да-а, в общих чертах, верно, - ошарашенно протянул Гоша, - но откуда ты всё это знаешь?

Откуда я всё это знаю? Оттуда и знаю – два года войны на востоке бывшей УССР много меня научили, опять же с нами часто медики проводили различные тренинги, ну и лично доводилось много раз видеть, как наш батальонный медик – Док «трехсотых» режет-сшивает, раз пять даже пришлось ему ассистировать, вот и нахватался по вершкам разного. Сам я конечно же ни разу в жизни ничего сложнее разномастных перевязок, «шин» или интубации легких не делал. Смог бы я сделать операцию, про которую так легко и уверенно рассуждал только что? Нет, честно скажу не смог бы попробовать бы, конечно, но гарантированно угробил бы Жарова окончательно. Тут дело в другом - я всего лишь хотел раззадорить доктора и все-таки заставить его провести операцию самостоятельно. Понимаю, что Гоша ни хрена ни хирург, но у него в отличие от всех нас есть хотя бы теоретические знания.

Тут ведь дело не только просто в спасении жизни участкового, но если все-таки удастся его у костлявой старухи из её загребущих лап вырвать, то чем черт не шутит, может мне свезет и я его разговорю на больничной койке и он мне расскажет как оно на самом деле было в ту ночь на берегу Гнилого озерану, а вдруг!

- Откуда надо, оттуда и знаю, - отмахнулся я и тут же панибратски спросил у Гриши. - Будешь мне ассистировать? С этим хоть справишься?!

- Это незаконно, - нахмурившись прошипел Гоша злобно глядя на меня, - выты не имеешь право прикасаться к больному, если он умрет, а он обязательно умрет, то это будет считаться убийством. Тебя посадят в тюрьму!

- Пусть меня посадят, но я буду сидеть с чистой совестью человека, который хоть что-то попробовал сделать, а не сидел сложа руки, прикрываясь отсутствием опыта. Так сможешь мне или нет? – задал я свой вопрос еще раз.

- Нет, не помогу!

- Я если бы на месте Жарова сейчас оказался бы твой отец? Ему бы помог?

- Заткнись придурок! – гаркнул в ответ Гоша.

Вот ведь упертый зараза! Чертов докторишка, сыкло очкастое. Ну ничего сейчас я тебе под кожу залезу, сейчас я тебя из себя выведу и не таких об колено ломали.

- Ну и хрен с тобой хер доктор, - отмахнулся я. – Дед как твоя рука?

- Нормально, - ошарашенно глядя на меня заявил дед, - там, по сути, просто царапина, картель вскользь прошла. Вов, а ты

- Потом дед, всё потом, - перебил я деда, отмахнувшись от него.

- Захарыч будешь мне ассистировать, - уверенно-приказным тоном заявил я. – Просто будешь подавать мне инструменты, в которые я буду тыкать пальцем и держать зажимы, где я скажу, остальное я все сделаю сам.

- Поляковты этого, - опешил от моих слов председатель колхоза, - того

- А ну цыц старший сержант! – злобно во всю глотку рывкнул я. – Выполнять! Или тоже будешь сиськи мять как этот трусливый сопляк, отнекиваясь отсутствием опыта?! – кивнул я в сторону доктора Гоши, сидящего с понуренной головой.

- Что?! – закричал, вскакивая в полный рост Георгий. – Я не трус! Не трус, ясно вам?! Я проведу операциюпопробую провести, - тут же тускнея на глазах добавил паренек.

- Вот и отличненько Док, вот и отличненько, я ни капельки в вас не сомневался, - я подскочил к Гоше и хватая его под руку буквально толкнул в сторону Машки. – Мария немедленно помочь доктору подготовиться к операции. Где тут у вас операционная?

- Третья дверь налево, - испуганно глядя на меня протараторила санитарка.

- Захарыч хватай носилки и потащили Жарова в операционную, - крикнул я председателю колхоза, хватаясь со своей стороны за ручки носилок. – Нельзя терять ни минуты!

Затащили Жарова в операционную, включили свет, стянули с него всю одежду, я метнулся в процедурную, где были стеллажи с медицинскими препаратами, схватил там бутылку с антисептиком смыл кровь и грязь с груди Жарова. Прибежала Машка с выпученными от испуга глазами, начала блажить, что так нельзя, что я их с Гошей под монастырь подведу и так далее и тому подобное. Влепил санитарке звонкую пощечину, гаркнул чтобы успокоилась и отправил на поиски хирургического набора и автоклава.

Ошарашенно хлопнул себя по лбу и отправил Захарыча за Романом Лукичом – нашим красновским ветеринаром, который вполне успешно проводил сложнейшие операции на животных и считался чуть ли не лучшим звериным доктором в области, по крайней мере к нему приезжали за консультацией не только со всего нашего, но и из соседних районов.

Уж на Лукича председатель колхоза имел столько рычагов давления, что ветеринар ему точно не откажет помочь в проведении операции, пусть не на зверюге, а на человеке. Впрочем

Жаров, как опытный, бывалый мент - тот еще матерый «зверь» таких только ветеринарам и резать.

Подготовка к операции прошла впопыхах: наспех, быстро и суматошно. Ничего не готово, как подготавливать никто толком не знает, все бегает, орут кричат друг на друга больше всех суету навожу я, потому что сам все затеял, всех сблатовал, а как оно правильно делать ни хрена не знаю.

В общем, спустя тридцать минут Георгий Вениаминович, Роман Лукич, Машка и я приступили к операции. Доктору Гоше чтобы он не скис и не дал заднюю чуть ли не насильно влили пятьдесят грамм разведённого спирта, Лукич дежурно мекнул «полтишок» на успех, я тоже маленько бахнул для смелости, ну, а Машка наотрез отказалась питьбаба, чего с неё взять.

Для меня сама операция прошла как в тумане – всё урывками и толком вспомнить ничего не могу, я лишь видел кровавое месиво грудной клетки Жарова, белые кости, сверкающие нержавеющей хирургические зажимы, черную свернувшуюся в желе кровь, слышал звон эмалированной кюветы, когда в неё бросали свинцовые горошины картечи и деловитые переговоры между Гошей и Лукичом. Подавал инструменты, когда мне говорили, держал зажимы там, где надо, промачивал, где скажут и специальной грушей откачивал кровь, где мне показывали.

Держался доктор Гоша на удивление спокойно и уверенно, его будто бы подменили стоило ему только взять в руки скальпель и зажим. Хорошо держался, молодец! Машка каждую секунду промачивала выступавший пот на лбу Гоши и у меня, только этим, по сути, и занималась. Не знаю как у доктора, а с меня текло в три ручья: спина, шея, грудь, задница всё мокрое, всё в поту, я потел как Ниагарский водопад. А вот Лукич стоит себе и в ус не дует, спокоен как танк: движения точные, голос ровный, где надо подскажет, где надо поможет, видать ветеринару все одно кого резать, что мента, что коня.

Вот так и получилось, что два наполовину доктора и один полудурок-попаданец из будущего смогли сообща заменить одного херовенького хирурга и совместными усилиями отыграть у смерти пару часов жизни для смертельно раненного Жарова.

Сама операция заняла около сорока минут, надо сказать, что при всей моей прежней браваде и уверенному тону я на самом деле ни хрена сам бы не сделал, ладно там еще картечины и обломки костей убрать, а вот как зажатое ребрами сердце освободить, чтобы оно работало, да при этом еще и легкие не повредить, хоть там и так хватало повреждений и так в целом, полез бы самостоятельно Жарова врачевать – обосрался бы по полной, потому что даже сотня проведенных операций при которых ты был всего лишь сторонним наблюдателем не сделают тебя даже на пол шишечки хирургом. В какой-то не понятный для меня момент Лукич сказал:

- Хорошо сделали, молодец Георгий Вениаминович, рука у тебя лёгкая сразу видно. Поздравляю! Часа два жизни для бедолаги у смерти отыграли.

- Спасибо, - сдавленно прошептал Гоша.

- Теперь все только в руках божьих, - Лукич тяжело выдохнул и натянуто улыбнулся, - надеюсь, что Жаров дотянет до приезда бригады, мы сделали все что могли.

А там как было месиво, так и есть, но видимо для Лукича и Гоши нынешнее кровавая каша на месте грудной клетки участкового лучше, чем она же еще час назад.

Лукич остался возле лежащего на столе Жарова, которому поставили очередную капельницу и вкололи пару уколов. Захарыч вновь ругался с кем-то по телефону, но уже не так яростно, а Гоша, ухватив меня за рукав вытолкнул из операционной в коридор, Машка юркнула за нами следом видимо понимая, что сейчас произойдет что-то нехорошее.

- Тыхуятвоутебя

Гоша прижал меня к стене и тыча мне в грудь пальцем в окровавленной перчатке что-то пытался сказать, но голос его так сильно дрожал, губы тряслись, что он не мог вымолвить ничего членораздельного только что-то квакал, а еще размахивал сжатым кулаком левой руки перед моим лицом. То ли в морду мне хотел засадить, то ли его сейчас кондратий хватит.

Кажись доктора сейчас накроет откатом и надо срочно что-то сделать, вон у него как рожу перекосило, аж кожа на лице пятнами пошла, рот кривится и слюни во все стороны летят. По-хорошему ему бы сейчас разведенного спирту шархануть полный стакан, но столько он не выдюжит, да и когда бригада из города приедет, а наш доктор в дрова – это будет не хорошо, могут и к ответственности привлечь.

А ухватил Гошу за палец, резко дернул на себя, вывернул руку и заломил на болевой, а потом глянул на Машку:

- Где свободная палата с койкой?

- Тут! – ошарашенно глядя на меня ткнула Машка в дверь напротив.

- Открывай! – приказал я санитарке.

Машка открыла дверь, я толкнул доктора в комнату, следом запихал девушку, зашел сам. Насильно усадил трясущегося доктора на кушетку, легко пресек его слабые попытки сопротивления. У Гоши все лицо покраснелось, губы трясутся, слезы из глаз уже текут ручьем.

- Док тебе надо выплакаться и выпустить из себя всё это, ты слишком долго держался, а завтра я приду к тебе, и ты мне в морду дашь, клянусь, что даже не дернусь в ответ.

Ухватил Машку за плечо и плюхнул её на кушетку рядом с трясущимся в корчах Гошей, а потом вышел из комнаты, клацнул выключателем гася свет и в темноту уже произнес:

- Мария доктору надо выпустить пар, а то он кони двинет от нервов, вам никто не помещает, я прослежу, - плотно прикрыл дверь и вышел в коридор, где уселся на лавку обтянутую дерматином.

Рядом со мной тяжело опустился на скамью дед и неожиданно обнял меня за плечи, а потом еще и по волосам ласково потрепал.

- Молодец внучок, добре ты доктора взнуздал, даже я чуть было не поверил, что ты лично собрался операцию Мишке проводить.

- Спасибо дед, - устало выдохнул я, - с вами-то чего произошло, расскажешь?

- Сволочь какая-то нас из камышей с противоположного берега пруда картечью обстреляла, - устало произнес дед, - целенаправленно били, сразу шарханули дуплетом, но я успел Мишку за «запор» оттащить, пока стрелок перезаряжался. Саданул пару раз в ответ, но у нас, как назло, все патроны снаряжены мелкой «гусиной» дробью, мы ж думали не только порыбачить, но и уток пострелять.

- Я их на дороге перехватил, - тяжело дыша пояснил подошедший Захарыч, - твой дед Жарова на себе пер от прудов.

- А почему не на машине? – удивился я.

- Да потому что тот подонок, который в нас стрелял, вколотил пару зарядов в задницу «ЗАЗика» разворотив его мотор в пух и прах.

- Значит получается специально пытались убить?

- Получается, что так, - кивнул дед.

Кто-то хотел убить Жарова! Жест! По меркам начала 80-ых покушение на жизнь сотрудника милиции – это тяжелое преступление, ментов слетится со всей округи столько, что мама не горюй, а если еще учесть взрыв в доме Спицыных и обнаруженный там схрон с оружием и взрывчаткой, то трудно представить, что нас всех ждет в ближайшее время. Могут даже КГБ привлечь для расследования. Уж менты точно будут трясти всех подряд. Кто же стрелял в моего деда и Жарова? Кто?!

Вариантов у меня на роль подозреваемых было немного, а точнее ровно один – Игнат Спицын. Он пытался повесить меня, потом убил своего брата, а потом стрелял в Жарова и моего деда. Зачем и какой у него мотив? Ну вот так сходу я могу только одну версию придумать: Егор и Игнат Спицыны, участковый Жаров и скорее всего блондин с берега Гнилого озера – сообщники, члены одной банды, а сумка с деньгами – это их общак или куш от крупного налета на инкассаторов. Игнат решил в крысу сыграть – вальнул своего брата и хотел убить Жарова,

чтобы ни с кем куш не делить, а распоряжаться им единолично. Как такая версия? Притянута за уши? Ну другой у меня пока нет.

- Пошли я тебе нормальную перевязку сделаю, - предложил я деду.

- Пошли, - кивнул дед.

- Захарыч, - обратился я к председателю колхоза, - покарауль, чтобы в эту палату никто не входил, - кивнул я на дверь, за которой были Гоша и Машка.

- А шо там? – спросил Захарыч.

- Машка доктора успокаивает, его откатом накрыло, а спиртом его отпаивать нельзя, вот я санитарку и озаботил доктору помочь от стресса избавиться.

- Ох и хитрый же ты жук Вовка, - растянулся в понимающей улыбке председатель колхоза, а потом панибратски хлопнул меня по плечу, - далеко пойдешь!

- Главное, чтобы Вовика не посадили в его дальних походах, - буркнул дед.

Деда я усадил в сестринской, срезал рукав его рубахи, промыл хорошенько рану – две картечины прошли вскользь чуть выше локтя оставив после себя две борозды. Обработал все как надо, вколол деду анальгин и сделал тугую намотку бинта.

- Где ж ты так научился раны обрабатывать? – задумчиво протянул дед.

- В школе на уроках НВП, - соврал я и тут же перевел тему разговора в интересующее меня русло, - дед, а чего это Жаров машину себе так неожиданно купил. Откуда у него деньги?

- Мишка давно на «ЗАЗика» копил, - пожал плечами дед, - он три года своей очереди ждал. А ты к чему спрашиваешь?

- Ну, думаю, вдруг у него были какие-нибудь не трудовые доходы и тот, кто в вас стрелял, допустим был сообщником Жарова и хотел его убить, чтобы обрубить концы.

- Дуру гонишь, - скривился дед, - Мишка точно бы не стал ни с кем снюхиваться, да и зачем ему это у него всё есть, чтобы достойно встретить старость. Вон захотел себе машину и купил, а не трудовые доходы он и без всяких сообщников в свинарнике у себя выращивает и по осени колет.

- То есть ни с кем, даже, допустим с братьями Спицыными он не мог сойтись накоротке для темных делишек? – как бы невзначай спросил я.

- Совсем дурак что ли? – раздраженно выдал дед. – Спицыны?! Ну ты совсем уж хрень не городи. Да, Мишка бы с ними на одном поле срать не сел бы, он же их на дух не переносит, ну ты Вовка как скажешь – хоть стой, хоть падай. У Жарова мать с теткой в войну полицаи повесили, он бы никогда накоротке с бывшими пособниками фашистов не сошелся бы. С чего ты вообще такие мысли у себя в голове крутишь?

- Странно просто, что сегодня Егора Спицына зарезали и вас с Жаровым убить пытались. Вот думаю, как это могло быть связано.

- Может и не связаны между собой эти два события, - пожал плечами дед, - Захарыч по дороге рассказал, что тут у вас произошло. Я так скажу, что сколько веревочки не вить, а конец завсегда найдётся. Сдох Егорка Спицын – туда ему и дорога псу шелудивому, еще братика его на тот свет отправить - на Земле сразу стало дышать легче добрым людям.

- А вот скажи дед, ежели, к примеру, Жаров сумку нашел бы набитую деньгами, ну допустим там тыщ сто было бы, он бы сдал её государству или себе бы оставил?

- Ну конечно бы сдал, - уверенно ответил дед, - а как иначе?

- Можно же себе оставить и жить припеваючи, - пожал я плечами.

- Молодой ты еще, - снисходительно улыбнулся дед, - жизни не знаешь. Одно дело червонец найти или даже сотню, тогда да, тогда можно не сдавать, а себе оставить. А если сто тысяч нашел, то просто так такие деньги на дороге не валяются, это всякий знает, от таких денег одни беды. Жаров точно бы сдал, поверь мне, во-первых, он идейный мент, а во-вторых, просто порядочный человек.

По коридору прошелся помятый, но спокойный доктор Гоша, вслед за ним семенила святящаяся как надраенным медяк Машка, а к нам зарулил Захарыч, который предложил выпить по маленькой за здоровье Жарова. Ну мы с дедом отказываться не стали и двинули на улицу, где председатель колхоза покопавшись в ящике своего «козлика» вытащил на свет божий помятую армейскую фляжку, внутри которой был ядреный самогон настоянных на травах. Выпили грамм по пятьдесят, перекурили. Я вроде, как и бросил курить, но сейчас позволил себе дать слабину, все-таки такой нервный денек сегодня выдался, что мама не горюй, другому бы и на год отрицательных эмоций хватило бы. Хорошо бы мне тоже пар спустить и заземлиться, но к Машке сейчас точно не подступиться, а к Любане тем более, поэтому вот и смолю дрянной «Примой» вместе с мужиками.

Тут прикатила машина «Скорой помощи», а следом за ней и ментовский бобик, да не один, а целых три и все битком забиты хмурыми и не выспавшимися ментами, поднятыми по тревоге как закрутилась круговерть опросов-допросов, суету такую навели, что аж искры из глаз: менты, следки, криминалисты, служебные собаки, взрывотехники-саперы, а еще врачи-хирурги, доктора, санитары, медсёстры. Хороводят, бегают туда-сюда, суетятся, шариковые ручки пишут, собаки носом землю рыщут, менты злобно гавкают, следаки грозно брови хмурят, какой-то полковник орет на всеи суета, суета, а я промеж всего этого калейдоскопа забрался незаметно в салон «козлика» свернулся на грязном полу, укрылся вставшей от крови колом телогрейкой и уснул.

И снилось мне как мы опять идем с пацанами в накат на богом забытую и чертом проклятую лесополку, теряем половину штурмового отряда, но вражеский укреп все-таки берем, а потом отбивает один за другим три контратаки противника, теряем под обстрелом сто двадцатых «самоваров» оставшихся бойцов и откатываемся из этой чертовой лесополки назад. Снится мне как мы тащим с дедом и Захарычем раненного Жарова на пластиковых носилках из кевлара, а над нами рой из вражеских эФПиВишек висит, а мы тащим «трехсотого» и кровью харкаем от усталости, но тащим, не сдаемся, лишь меняемся попеременно, потому что надо не только «трехсотого» волоочь, но и по зудящим противным комариным писком «птичкам» стрелять. И во сне мне не четырнадцать лет как сейчас, а пятьдесят восемь как тогда, и война эта чертова длится уже двадцать лет и все конца края ей нет, до чего дошло, что уже даже с того света стали бойцов в солдаты забривать, во сне я четко понимаю, что Захарычу, Жарову и моему Деду, как ветераном ВОВ не фиг делать на СВО, но они вот они здесь рядом со мной идут в накат

Глава 4

Долго поспать мне не дали, Захарыч сунулся в свой «козлик» чтобы отвести ментов к дальним прудам, тут меня заметили и прогнали прочь из машины.

В голове барабанный бой, горло саднит и всё тело ломит, как после хорошей попойки, когда гудел всю ночь напролет, но чутка после сна все-таки стало полегче.

Вылез из «ГАЗончика» ворча себе под нос ругательства в адрес ментовского племени, хотел сперва стрелкнуть у Захарыча папиросу, но потом передумал, а тут еще и весь такой из себя дед хмурной из больнички вырулил, хватя меня под руку и потащил прочь.

- Дед куда идем?

- У Жарова дома переночуем, его жинка с медиками в районный госпиталь поедет, попросила за хозяйство приглядеть.

- А ну нормально, - кивнул я, - хоть домой не чапать.

- Ты как?

- Держусь, а ты?

- Терпимо.

- Как Жаров?

- Пока не понятно выкарабкается или нет. Кстати, учти, что тебя в операционной не было, там были только Георгий Вениаминович, Лукич и эта молоденькая санитарка. Если кто узнает, что в операционной был посторонний человек, то доктора мигом взгреют, вон Сергеича скорее всего уволят по статье за пьянку.

- Так вроде у него сегодня выходной? – удивился я.

- Подробностей не знаю, но Сергеича точно попрут. Закрутилось кончено все слишком круто, в доме у Спицыных нашли целый схрон: автоматы немецкие, винтовки, патроны целый ящик тротила. Хорошо, что тротил на взорвался, а то бы пожарных и зевак на пожаре на куски порвало бы.

- Повезло, - буркнул я, понимая, что не дай бог кто-то видел, как я забирался на подворье к Спицыным, сразу поймут кто взрыв устроил, а тогда тюремного срока не избежать.

Добрались до дома Жаровых, дед по-хозяйски прошел внутрь, я шагал следом.

- Сейчас печь затоплю, воды согреем, надо бы шмотки быстро простирнуть, а то, как два бича с тобой, - сказал дед, - ты Вов пока чего-нибудь пожрать сооруди.

Пока дед возился с печкой я взял из холодильника яйца, литровую банку домашней тушенки и пару помидор. Особо возиться с едой не хотелось, поэтому пожарил десяток яиц с помидорами и кусками тушеной свинины. Просто, сытно, вкусно. Вскипятил чайник, заварил чай.

- Скидывай одежду, - приказал дед после раннего завтрака, на часах было пять утра, - ща быстро простирну и через пару часов на печи все высохнет.

Я скинул с себя рубаху, штаны

- Вовка, мать твою, что это такое?! – гаркнул мне дед звенящим от возмущения голосом.

- Где? – опешил я, не понимая, чего дед так разошелся.

- На шее! – буквально задыхаясь от возмущения злобно прошипел дед. – Это что такое?

- А, это, - натянуто улыбнулся я, - это я в подпол провалился и налету шеей за веревку зацепился, - попробовал отбрехаться я.

- Врешь стервец, брешь как сивый мерин, - глаза деда наливались гневом, а грубое и морщинистое лицо багровело на глазах наливаясь дурной кровью, в руках у деда было увесистое полено, которое он до этого намеревался закинуть в печь. – Не послушался меня, да? Не пошла моя наука плёткой тебе в прок?! Довела тебя твоя лярва до смертоубийства? Вздёрнуться хотел сукин сын! А я ведь предупреждал, я ведь говорил, что рано тебе еще с бабами

якшаться, падла ты такая, да как же это так можно, чтобы самому в петлю лезть! – дед, угрожающе размахивая поленом неотвратно наступал на меня.

Я затравленно огляделся: бежать мне некуда, я и так в одних трусах стою. Дед правда тоже в трусах, но у него в руках полено, он не задумываясь им меня шибанет стоит мне только дернуться.

- Дед, дед, ты чего?! – затравленно заполошил я. – Богом клянусь, что не было никакой попытки суицида, мамкой клянусь, батькой и сеструхой. Вот тебе истинный крест, - я размашисто перекрестился. – Чесслово! Век воли не видать! – забожился я самой пацанской клятвой. – Бля буду! – чиркнул ногтем по зубам.

- Не трюнди! – наступал на меня дед. – Я знаешь сколько висельников за войну перевидал, уж как-нибудь след от петли-удавки отличу от простой веревки. Гадина ты такая, как же ты мог?! Отвечай скотина бессовестная из-за чего в петлю полез? Ну! Из-за прощмандовки своей? Залетела и деньги из тебя сосать начала шантажируя, что напишет заявление об изнасиловании? Говори!

- Дед, дед, харэ! – я оказался прижат к стене. – Ладно я все расскажу, только ты поклянись, что не побежишь в ментовку внука сдавать!

- Хрена тебе лысого, а не клятву! – показал мне дед кукиш. – Сперва всё как на духу расскажи, а там решу, как быть, но учти, что внука убийцу, насильника или суицидника я не потреплю, лучше сам тебя удавлю, чтобы меня не позорил.

- Капец ты, конечно, дед логично рассуждаешь, - раздраженно хмыкнул я, - сам значит внука убийцу терпеть не намерен, но при этом сам же готов убить человека. У тебя вообще есть другие методы воспитания кроме тумачков?

- Цыц гаденыш! – рявкнул дед. - У меня для тебя ровно два метода: кнут и , - дед замялся на секунду.

- Пряник, - подсказал я.

- Какой к чертям пряник? – удивился дед. – Как я тебя пряником бить буду? У меня для тебя кнут и дубина, - дед грозно замахнулся паленом в руке. – Умничает он еще, а ну колись, что произошло?

Рассказать правду или соврать? Дед сейчас мне самый близкий человек, он точно не выдаст ментам и будет за меня стоять горой до последнего, да и мне сейчас, честно говоря, нужен верный сообщник и подельник, а то одному тащить всё это на себя как-то тяжело.

- Короче, меня вчера пытались повесить, - решительно выдал я, отрезая себе путь назад, - кто-то хотел меня убить - представив это как самоубийство.

- Кто?! – ахнул дед.

- Дед, да погоди ты, давай я все расскажу по порядку, а уж потом будешь вопросы задавать, - огрызнулся я. – В общем вчера после обеда я зашел в дом Колясика, а меня кто-то по башке вдарил, ну я вырубился, очнулся оттого, что спиной стукнулся об пол, оказалось я висел в петле, но веревка не выдержала и порвалась. Ну, я значит, рукой шарю по полу, петля шею давит сил нет, нащупал нож, перерезал веревку, а потом гля, а нож-то Спицыных, мне как-то его Колян показывал, так что хозяина финки я вмиг опознал. Ну, я и подумал, что меня кто-то из старших Спицыных в петлю решил засунуть, а нож свой обронил в темноте. Короче, пошел к ним в дом, хотел поквитаться, а там на кухне мертвый Егор сидит, а на его шее след от колотой раны, да и сам клинок, что у меня в руках был - весь в старой крови оказался. Я сообразил, что кто-то убил Егора, потом меня повесил и нож специально оставил возле, чтобы следствие подумало, что это я Егора заколол, а потом с горя решил вздернуться.

- А дом Спицыных почему взорвался? – удивленно нахмурился дед.

- Я газовый баллон на огонь поставил, нож обратно в шею Егора засунул и деру дал.

- Ты дом Спицыных взорвал?! – ошарашенно ахнул дед. – Зачем?

- Чтобы следствие запутать, - развел я руками, - что мне еще осталось делать, нож весь в моих отпечатках, да и так хрен его знает какие еще улики были у того, кто убил Егора и меня хотел повесить. Ну и опять же, не взорви я дом Спицыных, то хрена лысого Захарыч за вами на дальние пруды бы поехал, а значит ты бы еще тащил на себе уже гарантированно мертвого участкового.

- Резонно, - заметил дед. – Так, ну и кто, по-твоему, это был?

- Думаю, что это был Игнат. Он убил своего брата, может они повздорили из-за чего-нибудь, - предположил я, - потом чтобы направить следствие по ложному следу засунул меня в петлю подбросив орудие убийства.

- Это был точно не Игнат, - глухо отозвался дед, плюхаясь на табуретку.

- Откуда такая уверенность?

- Пока ты дрых в «козлик» мне следак рассказал, что вчера утром Игнат помог своему племяннику Михе Спицыну сбежать из ИТК-17 в Самарской области, где тот отбывал срок. Вот такие пироги!

- Гребанный ты ж Экибастуз, - выругался я, – да, что ж за херня такая творится?!

- Хороший вопрос, - покачал головой дед, - тут надо подумать. Выходит, что тот, кто тебя пытался удушить – убил Егора Спицына?

- Да, - кивнул я, - и скорее всего он же стрелял в тебя и Жарова.

- Думаешь? – скептически нахмурился дед. – Как бы один человек успел все это проверить? Если я правильно понимаю, то все это происходило в одно и тоже время

- Не совсем, - перебил я деда, - сперва убили Егора Спицына, когда я его обнаружил он был уже «деревянным», думаю часов пять-шесть он пролежал до того, как я его нашел, да и вообще со временем какая-то херня творится, - тяжело выдохнул я. – Понимаешь, меня Сеня Смирнов пошел искать и в восемь вечера он был в доме Колясика, причем заглядывал в подвал, меня там не было, но в себя я пришел около полуночи, соответственно выходит, что меня вырубил, куда-то утащили, а потом в полночь вернули обратно в подвал дома Колясика, где засунули в петлю.

- Странно, - нахмурился дед, - в нас с Мишкой Жаровым тоже аккурат около полуночи шмальнули. Мы как раз у костра сидели, уха дошла и тут - бах! с той стороны пруда, Мишке в грудь, я ногой бац по котелку, уха огонь залила, вот под покровом темноты и оттащил его за машину. Выходит, либо злодеев несколько, либо они не связаны друг с другом.

- Выходит так, - кивнул я, соглашаясь с дедом.

- Ох, не нравится мне всё это, - произнес дед и тяжело навалился на стол, - во что ты такое вляпался внук?

- Не знаю дед, не знаю, - устало покачал я головой.

- Давай рассуждать логически, - задумчиво протянул дед.

- Давай, - поддакнул я.

- Игнат помог сбежать своему племяннику из колонии еще вчера утром, милиция, узнав об этом точно бы пришла с вопросами к Егору и обыскала бы дом. Правильно?

- Да.

- А там схрон с оружием, - продолжал рассуждать дед, - значит тот кто убил Егора сделал это для того чтобы младший из братьев Спицыных не разболтал чего-то лишнего.

- Выходит так.

- А это все означает, что где-то в Красновке или другом окрестном селе есть кто-то главный в банде Спицыных. Верно?

- Верно дед, верно, - кивнул я, - у меня подозрение на приехавших инженеров. Может это всё из-за них!

- А они-то тут причём? – скептически скривился дед. – Они у нас без году неделя.

- Да они тут недавно, но есть еще один нюанс.

- Какой?

- Когда Спицу убили на берегу Гнилого озера, то там еще были найдены деньги – новенькие червонцы. Жаров обязал продавщиц из всех сельских магазинов докладывать ему если кто-то будет расплачиваться новенькими десятирублевыми купюрами, - я не собирался деду рассказывать всей правды, но как-то надо было обозначить, что все мои неприятности начались со смерти Спицы. - Это означает, что тот кто убил Коляна Спицына имел при себе крупную сумму денег и Спица знал об этом.

- Откуда знаешь? – тут же подозрительно сощурился дед.

Я вкратце рассказал деду как меня оглушили первого сентября, как я подслушал разговор Ячменя и Мартына, как избил их, ну, а про нашу с Жаровым договоренность дед и так знал.

Дед меня молча выслушал, а потом неожиданно заявил:

- Мне участковый все это уже рассказывал, но я так и не понял при чем здесь приезжие армяне?

- Напрямую ни при чем, - согласно кивнул я, - против них у меня только косвенные подозрения и чуйка.

- Чуйку к делу не пришьешь, - глубокомысленно заявил дед. – Так давай сейчас стирку отложим на время, а вместо этого прогуляемся до дома Колясика и поглядим на место твоего повешенья.

- Дед, ты что мне не веришь?! – возмущенно набылчился я.

- Верю, дурья твоя башка, - дед потрепал меня по волосам, - просто хочу осмотреть там все, вдруг на что-то интересное наткнемся, опять же надо все там так подстроить, чтобы действительно было похоже, что при падении за веревку шеей зацепился. Тебя же сейчас менты из района крутить будут, мигом след от удавки срисуют, вопросы возникнут, а Жарова нет который бы тебя прикрыл. Так что одевайся и пошли.

А дед – голова, соображает! Хорошо, что я все-таки деду доверился и рассказал ему всёну почти всё.

Дым и пламя пожара мы заметили, как только вышли из дома Жаровых. Я, честно говоря, даже особо не удивился этому факту, видимо подсознательно ожидал нечто подобное. Дом Колясика-Карасика ярко и горячо пылал будто бы его хорошенько пролили бензином перед тем, как поджечь.

- Падла, - только и смог я выдавить из себя, когда мы в спешном порядке чуть ли не подбежали к горящему дому Колясика.

Пожарные особо не сутились и тушить пожар не лезли, они даже к дому близко не подходили, стояли в сторонке и больше следили, чтобы пламя не перекинулось куда-нибудь на сторону, но оно не могло никуда перекинуться, потому что до соседних строений было относительно далеко, а ветра способного перекинуть искры не было.

- Ну и ночка сегодня, - устало произнес подошедший к нам с дедом Игорь Степанович – командир красновской добровольной пожарной дружины, высокий мужик сорока лет отроду, крепкого телосложения, но довольно простецкой наружности, - второй пожар за ночь. Видал как пылает?

- Ага, - кивнул дед, - а чего вы не тушите?

- Опасаемся, - пожал плечами пожарный, - в этом же доме пионеры гранаты нашли, фиг его знает может там тоже схрон с взрывчаткой.

- Чё думаешь: подожгли или сам загорелся? – протягивая пачку «Примы» Степанычу спросил дед.

- Не знаю, - как-то равнодушно отозвался пожарный, - мне все-равно, сгорел и сгорел. С глаз долой и всем проще, а то ходишь мимо этого дома и все сердце не на месте. Хороший был человек Колясик – добрый, отзывчивый, а помер как собака безродная. Вот скажи мне Петр Владимирович почему люди такие злые ко всему доброму?

- Потому что добро должно быть с кулаками, - спустя две долгие затяжки отозвался дед, - Колясик добрый был, а постоять за себя не умел, вот его и сгнобили.

- Вовка признавайся гнали в подвале дома самогон? – обратился на меня своё внимание Игорь Степанович.

- Нет, конечно, - ошарашенный такой неожиданной претензией ответил я. – На фига нам самогон гнать?

- Ну, не знаю, - Степаныч сделал последний затяг и швырнув бычок на землю затоптал его подошвой кирзового сапога, - из-за чего-то же дом загорелся. От электричества он был отключён. Может пацаны внутри шалили, с огнем баловались или кто сторонний забрел на ночлег. Вовка мог там кто-то на ночь остаться?

- Вряд ли, - пожал я плечами, - местная ребятня дом Колясика боится, стороной всегда обходит, да и мы, честно говоря, когда там работали по одиночке никогда не оставались. А чтобы заночевать там – о таком даже речи никогда не шло.

- А сегодня там кто-то был вечером?

- Нет, - уверенным тоном соврал я.

- Странно, - протянул старший пожарных, - я как на дежурство шел, мимо проходил, гляжу перед калиткой велосипед стоит, думал еще зайти, глянуть кто в доме есть, но тут на училку физкультуры отвлекся, она как раз по улице шла, ну и прицепилась ко мне, все на зимние лыжные соревнования зазывает, а я самбо в свое время плотно занимался, а не лыжами, нет на лыжах понятное дело ходить и бегать умею, но все-таки, впрочем с такой бы тренершей, - Степаныч мечтательно закатил глаза и тихим голосом добавил, - ох ну и станок у неё, я бы с ней в тандеме бы прокатился пару раз туда-сюда.

- Фу ты дурак-человек, - дед шутливо ткнул пальцем в бок пожарного, - на кой ты ей нужен дважды женатый.

- Там, где два, там и три! – парировал Степаныч и на полном серьезе добавил. – А я бы Жанну Григорьевну взял бы в жены, уж больно фигура у неё аппетитная, ну и вся она такая, - пожарный замялся на секунду, подыскивая подходящий эпитет, - цельная! В общем на ней бы женился и успокоился бы уже навсегда.

- А во сколько это было? – спросил я. – Во сколько вы возле дома велосипед видели?

- В шесть вечера, начало седьмого было, - не задумываясь ответил пожарный, - мне к шести тридцати на смену, вот я к этому времени и шел, а тут Жанночка, ну мы с ней слово за слово так вместе и прогулялись до управы, - растянувшись в довольной улыбке мечтательно произнес Степаныч, - все-таки она меня сблатовала записаться в секцию по лыжному бегу, вот теперь стою думаю, как бы от своей жинки этот факт скрыть, а то ведь не даст нормально спортом заниматься.

- Степаныч, а ты ведь от первой жены ушел ко второй, потому что та вела литературный кружок, и ты к ней ходил книги читать по вечерам в библиотеку, верно? – хитро прищурился дед.

- Ага, - простецки кивнул пожарный, - сперва книги по вечерам читали вслух, ну, а потом уже и «того-этого» на кушетке за книжными стеллажами в библиотеке делали.

- Какой же ты у нас всесторонне развитый человек: и книги любишь, и спорт, - ехидно заметил дед. - Первой жене двух детишек струганул, потом второй столько же, теперь, что хочешь еще и к молодой училке свои бубенцы подкатить? – дед скептически вздернул бровь.

- Ну, а почему бы и нет, - самодовольно пожал плечами Степаныч, - любят меня бабы, что я могу поделывать? Она меня как под ручку взяла, бедром ко мне прижалась я так сразу и понял, что лыжный бег – это моё! – самодовольно ухмыльнулся пожарный.

- Ладно пойдем мы, - отмахнулся дед, - а ты давай лучше вон пожар туши бегун, - дед сделал акцент на последнем слове как бы показывая своё отношение к Степанычу и его образу жизни.

- Дед как думаешь специально дом Колясика подожгли? – спросил я у деда, стоило нам отойти подальше от посторонних ушей.

- Думаю, что, да и это очень плохо.

- Почему?

- Потому что тот, кто его поджег хотел скрыть следы преступления, скорее всего там по подвалу было много отпечатков пальцев. Если бы тебя там нашли повешенным, то точно никто не стал бы вызывать криминалистов и искать чужие отпечатки пальцев, а поскольку ты выжил, то тот, кто тебя хотел повесить перестраховался и поджег дом.

- Значит неизвестный нам злодей – житель Красновки, – констатировал я.

- Да, - кивнул дед, - эх жаль, что Степанычу попалась училка на пути и отвлекла его. Представь, как было все проще, если бы он зашел в дом Колясика в шесть вечера, а там ты без памяти и тот, кто тебя пытался тебя убить. Степаныч бы вмиг его скрутил, он мужик решительный и резкий, в Африке против империалистов и колонизаторов воевал. Эх, что же делать? И в милицию не обратиться, начнут крутить-вертеть и взрыв в доме Спицыных тебе пришьют, а это хошь не хошь, а уголовная статья, да не одна.

- Ментам точно сообщать нельзя, - уверенно заявил я, - сами выкрутимся.

- Ага, выкрутимся, - раздраженно буркнул дед, - ты теперь на прицеле, тебя точно попробуют убрать.

- А смысл? – легкомысленно начал я. – Моя смерть имела смысл только чтобы скрыть факт убийства Егора Спицына, а просто так убивать меня толку нет.

- Но убийца Егора знает, что дом Спицыных взорвался не сам по себе, да и нож оказался в шее покойника тоже неспроста, - разумно возразил дед, - в опасности ты Вовка, как ни крути, но тебе спокойно теперь не жить.

- А я вот думаю, что самое разумное для убийцы сейчас это сбежать из села, потому что он не может знать наверняка пойду я в милицию или нет, об этом ведь в газете не сообщат и объявление на заборе не повесят.

- Ну, тоже, верно, - кивнул дед, - если кто неожиданно из села пропадет, то это будет весьма показательно. Ладно пошли поспим хоть чуток, а то мне к восьми утра на допрос в милицию.

Вернулись в дом Жаровых, я затеялся со стиркой, а деда отправил спать, тот махнул на сон грядущий стопку водки и тут же задрых без задних ног сотрясая своим богатырским храпом весь дом. Свои вещи я стирать не стал, простирнул только портки деда и развесил их над печью чтобы они быстрее высохли.

Тихо, чтобы не разбудить деда выбрался из дома и рванул на окраину села, там, где спрята-
л свёрток с пистолетом. Надо было срочно его перепрятать, а то место там найденное, кто-то точно заметит.

Село уже проснулось: выгоняли со дворов скотину в общее стадо на выпас, доярки и скотницы шли на работу, брехали собаки, кудахтали куры, догорал дом Колясика. Люди попадались навстречу не выпавшиеся и злые, они понятно, взрыв и два пожара за ночь – это для советского села в средней полосе РСФСР в начале 80-ых события из рада вон выходящие, думаю о них будут еще судачить не один месяц.

Плохо конечно, что я засветился сейчас при такой количестве свидетелей, но по-другому никак. Надо срочно перепрятать пистолет, а то если кто-то найдет обязательно сдаст в милицию, а там такая шумиха начнётся, что мама не горюй. Но, честно говоря, больше всего мне хотелось не «Вальтер» перепрятывать, а посмотреть, что же там за банка такая была спрятана в собачей будке. Ох чую там сокровища несусветные: золото россыпью или алмазы.

Свёрток я нашел там же где его и оставил – под приметной корягой. Сразу разглядывать что в ба

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.